

Глава 2 Последний рубеж

§ 1. Третья Государственная дума и П.А. Столыпин. «Вперед на малом тормосе»

Третья Государственная дума стала первой, проработавшей весь положенный ей пятилетний срок. Она была созвана 1 ноября 1907 г., и ее состав оказался несравненно более консервативным, чем у предшественников. Численность депутатского корпуса была законодательно сокращена. Из 442 мест 146 получили правые, 155 — октябристы и близкие им группы, 108 — кадеты и сочувствующие, 13 — трудовики и 20 — социал-демократы. Думским центром оказалась партия «Союз 17 октября», а председателем был избран октябрист Н.А. Хомяков. В марте 1910 г. его сменил лидер партии А.И. Гучков, а через год главой парламента был избран октябрист М.В. Родзянко, ставший затем председателем и Четвертой думы (1912—1917).

Третьедумский период — время поисков модели сосуществования, изыскания компромисса между традиционными методами управления и новыми реалиями политической жизни, между правительством и депутатским корпусом. Большинство избранников уже не смотрело на Совет министров как на «шайку преступников», не воспринимало существующую государственную систему как «темное царство», которое надлежало разрушить до основания. Поиск взаимодействия, изыскания форм конструктивного сотрудничества не были простыми и легкими. Немало за это пятилетие было острых моментов, взаимного непонимания, отражавшего старые предубеждения. Свой взгляд на работу законодательного органа сформулировал царь. Принимая 6 января 1908 г. в Большом Царскосельском дворце 300 депутатов (группы правых и центра), он сказал: «Помните, что вы созваны Мною для разработки нужных России законов и для содействия Мне в деле укрепления у нас порядка и правды. Из всех законопроектов, внесенных по Моим указаниям в Думу, Я считаю наиболее важным законопроект об улучшении земельного устройства крестьян и напоминаю о Своих неоднократных указаниях, что нарушение чьих-либо прав собственности никогда не получит Моего одобрения; права собственности должны быть священны и прочно обеспечены законом».

Правительство подготовило целую серию законопроектов, которые и стали предметом обсуждения. Они касались широкого круга вопросов, охватывавших в той или иной степени все стороны жизни страны и нацеленных на постепенное реформирование традиционных экономических укладов и социальных структур. Центральным среди них был острейший вопрос — аграрный. В этот чрезвычайный момент на авансцене русской истории появилась мощная фигура Петра Аркадьевича Столыпина, ставшая ярким символом правительственной власти в последнее десятилетие существования монархии.

О министре-реформаторе писали много и часто. Его личность, его деятельность были в центре общественного интереса и тогда, когда он жил и действовал, и все последующие десятилетия после его кончины. Дискуссии о П.А. Столыпине особенно обострились в конце нашего века, в период переосмысления русской истории XX в. Вариации на темы того, «чего он хотел», «что он успел», «что он умел» и «что он мог», сделались необычайно модными. Выводы и заключения, многие из которых мало сопряжены с реалиями русской жизни начала века, в большинстве случаев носят полярный характер.

Как человека и политика П.А. Столыпина отличали два основных качества, присущих далеко не всем даже в высших коридорах власти, не говоря уже о представителях пресловутой «общественности»: вера в Бога и любовь к России. Он был истинным русским православным человеком, готовым во имя блага Отечества пойти на любые жертвы. И в конце концов он принес самую высокую из возможных: собственную жизнь.

Это был русский консерватор новой формации, понимавший, что для защиты исконных государственных начал, в первую очередь самодержавия, надлежит не только

демонстрировать силу, «давить и не пущать», необходимо изменить социальную природу общества, создать массу крепких собственников-хозяев, которые стали бы естественной базой социального умиротворения. Он никогда не сомневался, что авторитаризм (самодержавие) и Россия — вещи неразрывные, что все серьезные преобразования можно проводить лишь сильной, властной и честной рукой, что введение правового строя — процесс длительный и сложный, требующий ноголетних, постоянных усилий сверху, поддержки и понимания снизу.

Ему многое удалось сделать, но многое осталось и нереализованным, так как за те пять лет, с середины 1906 г. до середины 1911 г., что он играл вторую роль в государстве, добиться качественной перестройки всего громоздкого государственного здания было невозможно. Для этого нужны были десятилетия целенаправленной работы государственных органов, общественных организаций. Требовалось не просто осуществить программу реорганизации хозяйственной деятельности, необходимо было создать условия для возникновения нового социокультурного типа крестьянина — агрария, сформированного не в уравнилельно-перераспределительной атмосфере русской общины, а являвшегося полноправным элементом рыночной экономики, носителем и субъектом права в европейском его понимании. Эта грандиозная задача была рассчитана на длительную перспективу, и не вина П.А. Столыпина, что история России этого срока ему не предоставила.

Родился Петр Аркадьевич Столыпин в 1862 г. в родовитой дворянской семье, и детство провел в имении Сред ни ново под Москвой, а затем в родительском имении Колноберже под г. Ковно (Каунас) в Западном крае. Окончил гимназию в г. Вильно (Вильнюс) и поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, который окончил с отличием. С 1884 г. начал службу в Министерстве земледелия и государственных имуществ, где работал в департаменте земледелия. В 1889 г. перешел на службу в Министерство внутренних дел, получив назначение Ковенским уездным предводителем дворянства. Эта служба дала ему первый значительный административный опыт и близко познакомила с проблемами и нуждами сельского хозяйства. Его работоспособность, честность, открытость нравились далеко не всем, но большинство дворянства и местной администрации относились к нему с симпатией. В 1899 г. он получил должность Ковенского губернского предводителя дворянства, а в 1902 г. назначается Гродненским губернатором. В следующем, 1903 г., П.А. Столыпин занял пост Саратовского губернатора. В этой должности он встретил революционные волнения 1905 г., которые не миновали и Поволжье. Его деятельность по прекращению беспорядков в Балашовском уезде, когда он один вышел к толпе и утихомирил разбушевавшуюся массу, стала широко известна.

26 апреля 1906 г. П.А. Столыпин был назначен министром внутренних дел, а 8 июля — председателем Совета министров. Этот невероятный взлет был достаточно необычным для бюрократического Олимпа.

Тема П.А. Столыпина и Николай II является чрезвычайно важной для понимания сложных политических коллизий отечественной истории начала XX в. Вокруг этого сюжета существует множество идеологически и политически ангажированных спекуляций и конъюнктурных умозаключений, нацеленных на подтверждение или опровержение тех или иных мировоззренческих концепций. Многие уверены, что царь лишь «терпел» своего премьера, что не позволял ему действовать смело и решительно, что падение Столыпина было предопределено еще до его гибели, что монарх оказался под влиянием «придворной камарильи», стремившейся уничтожить все нововведения и отказаться от курса перемен, олицетворяемых П.А. Столыпиным. При этом игнорируется одна очевидность: сановник оставался на своих постах **исключительно** благодаря поддержке императора, который, вне зависимости от личных симпатий и антипатий, видел глубокий смысл и необходимость осуществлять намеченные мероприятия в хозяйственной и социальной областях.

П.А. Столыпин, в отличие от других высших чиновников, никогда не позволял себе никаких нелицеприятных для самодержца высказываний даже в самом узком кругу. Это был истинный русский монархист, один из последних в петербургских коридорах власти, для которого воля монарха и воля России являли одно целое. Он был абсолютно искренен, когда летом 1906 г. заверял Николая II в письме: «что жизнь моя принадлежит Вам, Государь, что все помыслы мои, стремления мои — благо России; что молитва моя ко Всевышнему — даровать мне высшее счастье: помочь Вашему Величеству вывести нашу несчастную Россию на путь законности, спокойствия и порядка».

Будучи просвещенным и целеустремленным политиком, П.А. Столыпин понимал, что реформы необходимы и неизбежны. Они видел дальше, острее осознавал причинно-следственные связи проблем, чем многие современники. Девиз премьера был прост и в тех условиях логичен: сначала успокоение, а затем перемены. Однако откладывать назревшие изменения было невозможно и реформы приходилось осуществлять в атмосфере не утихающих беспорядков. Хотя с 1907 г. волна насилия в стране пошла на спад, но не прекратилась. По неполным данным, с января 1908 г. по май 1910 г. отмечено 19 957 случаев террористических актов и экспроприации, от которых пострадало по всей империи 7634 человека (в 1905—1907 гг. в результате деятельности революционных террористов убито и ранено не менее 9000 человек).

Главная и основная задача состояла в принципиальной реорганизации землепользования и землевладения крестьянства. П. А. Столыпин давно уже видел пагубность существования общины. Еще будучи Саратовским губернатором, он писал во всеподданнейшем отчете за 1904 г.: «У русского крестьянина — страсть всех уравнивать, всех привести к одному уровню, а так как массу нельзя поднять до уровня самого способного, самого деятельного и умного, то лучшие элементы должны быть принижены к пониманию, к устремлению худшего, инертного большинства. Это видится и в трудности привить к общинному хозяйству сельскохозяйственные улучшения и в трудности часто наладить приобретение всем обществом земли при помощи Крестьянского банка, так что часто расстраиваются выгодные для крестьян сделки».

Неблагоустройство значительной части крестьянства давно уже заботило и Николая II. Когда осенью 1905 г. возник кабинет С.Ю. Витте, император поставил перед ним главную задачу: улучшить положение крестьян. На заседании Совета министров 3 ноября 1905 г. глава правительства предложил избавить крестьян от выкупных платежей. Царь заявил, «что находит меру совершенно недостаточною», и решительно высказался за переход от слов и обещаний к крупным мерам «по улучшению положения крестьян, не теряя времени, так, чтобы крестьянство убедилось, что о нем правительство фактически заботится», и призвал для достижения этой цели «не стесняться жертвами и не останавливаться перед самыми сильными мерами». Кабинету С.Ю. Витте не удалось принять никаких «сильных мер», хотя предварительная работа в этой области велась и в 1905 г., и в начале 1906 г. Когда же собралась Первая Государственная дума, то сразу выяснилось, что резерва времени у власти уже больше нет. Ношу трудоемкого реформирования крестьянского землеустройства принял на себя кабинет П.А. Столыпина и особенно его глава.

Надлежало решить две тесно взаимосвязанные организационно-правовые и экономические проблемы. Во-первых, снять все необоснованные и архаичные юридические ограничения прав крестьянства и, во-вторых, создать условия для развития частного мелкого аграрного хозяйства. Сохранение власти общины вело к упадку крестьянского сельскохозяйственного производства, способствовало нищете самой многочисленной группы населения.

Столыпинская реформа в большинстве случаев реализовывалась царскими указами, что гарантировало оперативность ее проведения. Она базировалась на принципе неприкосновенности частной собственности на землю, которая не могла ни в какой форме насильственно отчуждаться. 12 августа 1906 г. последовал указ о передаче Крестьянскому

банку сельскохозяйственных уделных земель (собственность императорской фамилии); 27 августа — о порядке продажи казенных земель; 19 сентября — о порядке продажи крестьянам казенных земель на Алтае (собственность императора); 19 октября — о разрешении Крестьянскому банку выдавать крестьянам ссуды под залог наделной земли, чем признавалась крестьянская личная собственность на землю. Этими решениями был создан национальный земельный фонд, позволявший развернуть широкую программу переселения земледельцев из зон аграрного перенаселения (главным образом, губерний центральной части Европейской России) на Восток.

Вслед за этим последовало несколько законодательных актов, изменявших юридический и правовой статус крестьянства: 5 октября 1906 г. — указ об отмене всех сохранившихся ограничений для крестьянского сословия; оно было уравнено в правах со всеми гражданами в отношении государственной и военной службы, обучения в учебных заведениях. И наконец, 9 ноября 1906 г. последовала самая важная в этом ряду мера — был издан указ о раскрепощении общины. Каждый крестьянин получал право свободного выхода из общины вместе со своим, укрепленным в личную собственность наделом, который принадлежал ему до того на правах временного владения. Крестьянин и раньше имел право выделиться из общины, но лишь с согласия «мира» и после выплаты выкупных платежей. Теперь же положение изменилось.

Указ 9 ноября 1906 г. свидетельствовал о том, что власть отказалась от старой политики сохранения общины и перешла к поддержке мелкого частного собственника. Это была довольно жесткая линия, начисто лишенная тех благотворительно-патерналистских начал, на которых длительное время строилось отношение государства к крестьянству. Подобная мера неизбежно вела к резкому усилению дифференциации сельского населения, к разорению части его. Однако это было необходимо в новых условиях хозяйственной деятельности, когда полноценным субъектом рыночной экономики мог стать лишь выдержавший испытание жестокой конкурентной борьбой хозяин.

С первых дней своего премьерства П.А. Столыпин стремился решить важную политическую задачу — привлечь в состав правительства некоторых деятелей не из бюрократической среды, придерживающихся умеренной позиции. Велись переговоры, происходили встречи, но добиться результатов не удалось. Как и в случае с кабинетом С.Ю. Витте, общественные деятели обставляли свое вхождение в правительство таким количеством оговорок и условий, которые власть принять не могла в силу исторической традиции и законов, по которым правительство назначалось исключительно царем и несло ответственность только перед ним. Но попытки эти продолжались с полного одобрения императора и при его непосредственном участии. Летом 1906 г. Николай II писал главе правительства: «Принял Львова, Гучкова. Говорил с каждым по часу. Вынес глубокое убеждение, что они не годятся в министры сейчас. Они не люди дела, т.е. государственного управления, в особенности Львов. Поэтому приходится отказаться от старания привлечь их в совет, мин. Надо искать ближе». Через несколько дней, возвращаясь к той же теме и поясняя свою позицию, царь заметил: «Мне известно о пущенном слухе, будто я переменяю свое мнение о пользе привлечения людей со стороны, что, разумеется, не так. Я был против вступления **целой группы** лиц с какой-либо программой». Глава кабинета пользовался в этот период полной симпатией и поддержкой монарха. В октябре 1906 г. в письме матери Николай II заметил: «Я тебе не могу сказать, как я его полюбил и уважаю. Старик Горемыкин дал мне добрый совет, указавши на него. И за то спасибо ему».

Деятельность кабинета П.А. Столыпина вызывала острую критику со всех сторон. Левые поносили правительство, прекрасно понимая, что реорганизация экономической и социальной среды, создание массового слоя мелких собственников подрвут их влияние и сведут на нет все их попытки заручиться общественной поддержкой для свержения самодержавного строя. Либералы, в первую очередь кадеты, казалось бы, должны были

быть целиком на стороне реформатора, политика которого содействовала буржуазной трансформации страны, однако, соглашаясь на словах с необходимостью преобразований, на деле, в силу традиции российского либерализма, не могли принять и одобрить меры, инициированные исторической властью. Главный рупор кадетской партии газета «Речь» почти в каждом номере публиковала резко критические, а порой и просто оскорбительно-разносные материалы о правительстве и его главе. Не отставали от кадетского официоза и многие другие издания в Петербурге, Москве и некоторых провинциальных городах.

Консерваторы то же в значительной своей части были настроены скептически, а многие и откровенно враждебно к столыпинскому курсу. Их не устраивало то, что премьер «заигрывал» с либералами, покушался на вековой уклад российской жизни, собирался разрушить «исконную Россию». С первого дня существования кабинета П.А. Столыпина правые элементы плодили слухи о скором падении правительства, о том, что премьер потерял расположение государя, о деловой непригодности главы правительства и т.д.

Но непредвзятые наблюдатели не могли не видеть административных способностей Петра Аркадьевича. Он обладал огромной работоспособностью, умением кратко и ясно излагать свою мысль, внимательно и заинтересованно слушать и слышать специалистов и знатоков. Сильное впечатление производили его целеустремленность, искренняя заинтересованность в успехе общего дела и благе России. При нем правительство перестало напоминать дискуссионный клуб, а стало единым и дееспособным органом управления. Он не боялся вызовов оппозиционеров и нападок откровенных врагов, смело поднимался на трибуну Государственной думы, излагая и разъясняя политику правительства, стремясь заручиться пониманием и поддержкой. Столыпин стал первым главой кабинета, которому приходилось выполнять сложную и неблагодарную роль публичного защитника и пропагандиста политики власти.

Первая программная речь П.А. Столыпина прозвучала перед депутатами Второй Государственной думы 6 марта 1907 г. Этого выступления ждали кто с опасением, кто со злорадством, а кто с интересом. Еще были свежи в памяти воспоминания, связанные с неудачным дебютом И.Л. Горемыкина на заседании Первой думы в начале мая 1906 г., которого ошарашивали, затопали и захлопали. Министр финансов, а позднее премьер В.Н. Коковцов описал в своих воспоминаниях историческую «столыпинскую премьеру», очевидцем которой был. Сидевший рядом с ним министр императорского двора барон В.Б. Фредерикс был поражен вниманием, с которым депутаты прослушали речь П.А. Столыпина, по окончании которой даже раздались аплодисменты. Влиятельный сановник не удержался и заметил, что «это странно», и высказал предположение, что «Дума как будто одобряет правительство, а между тем все были убеждены в том, что будет то же самое, как при Горемыкинне». Но это была преждевременная надежда, и «громы и стрелы» полетели в адрес администрации через несколько минут после того, как П.А. Столыпин покинул думскую трибуну.

Для премьер-министра подобная реакция не была неожиданной; он, зная о преобладающих политических пристрастиях депутатов Второй думы, не питал радужных надежд. Однако речь свою составил в деловом, конструктивном тоне, лишенном полемической риторики. Спокойно и обстоятельно обрисовал главные пункты программы правительства и очертил основные направления дальнейшей деятельности на пути превращения России в правовое государство. П.А. Столыпин считал, что главным в комплексе проводимых мер являются законы об устройстве быта крестьян. На рассмотрение Государственной думы были вынесены все те решения власти, которые реализовались в форме царских указов в соответствии со статьей 87 «Основных законов...».

Вниманию депутатов были предложены и некоторые законопроекты более общего характера, вытекающие из положений Манифеста 17 октября 1905 г.: о веротерпимости, о пересмотре временных правил о печати, о равноправии всех граждан, о

неприкосновенности личности, о реорганизации местного самоуправления, о реформировании суда, о пересмотре рабочего законодательства и некоторые другие. Заканчивая выступление, глава кабинета сказал: «Изложив перед Государственной думой программу законодательных предположений правительства, я бы не выполнил своей задачи, если бы не выразил уверенности, что лишь обдуманное и твердое проведение в жизнь высшими законодательными учреждениями новых начал государственного строя поведет к успокоению и возрождению великой нашей родины». Но приглашение к сотрудничеству услышали во Второй думе лишь немногие.

Несмотря на враждебный характер многих речей, П.А. Столыпин за три с небольшим месяца существования Второй думы неоднократно выступал перед депутатами, стараясь пояснить позицию правительства. Особой заботой и попечением премьера пользовалась аграрная программа. Выступая 10 мая 1906 г., П.А. Столыпин заметил: «Пробыв около 10 лет у дела земельного устройства, я пришел к глубокому убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. Разрешить этот вопрос нельзя, его надо разрешать. В западных государствах на это потребовались десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!» Делового сотрудничества со Второй думой не получилось. В Третьей Государственной думе правительство имело солидную поддержку, которую обеспечивали октябристы и националисты. Лидер октябристов А.И. Гучков несколько лет был ближайшим союзником П.А. Столыпина. Кадетская партия в этот период тоже заметно поправила. Некоторые видные представители интеллигенции вообще публично отмежевались от левого крена в стратегии и тактике российского либерализма.

В 1909 г. группа известных деятелей издала сборник статей под названием «Вехи», в котором, исходя из уроков революции, переосмысливала свои мировоззренческие ориентиры, критически оценивая так называемое «освободительное движение» и роль интеллигенции в нем. Это издание вызвало сильный общественный резонанс как из-за известности имен авторов (П.Б. Струве, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, А.С. Изгоев, С.Л. Франк, Б.А. Кистяковский, М.О. Гершензон), так и в силу постулирования ими невероятной для «прогрессивной общественности» мысли о недопустимости социальной революции. Авторы заявляли о пагубности социальной политической борьбы, которая в условиях России может привести лишь к хаосу, анархии и распаду «всего сущего». Наиболее беспощадная оценка интеллигенции была дана в статье литературоведа и публициста М.О. Гершензона, восклицавшего: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной».

Первая сессия Третьей Государственной думы прошла в атмосфере спокойной работы, взаимопонимания с правительством. Отдельные попытки левых и кадетов разжечь конфликты по некоторым малозначительным поводам окончились неудачей, так как большинство не хотело конфронтации с властью. В центре работы Думы оказался аграрный вопрос. В соответствии с законом надлежало утвердить указ от 9 ноября 1906 г., вступивший в силу с 1 января 1907 г. Этот закон, одобренный и дополненный думской земельной комиссией, начал обсуждаться на общей сессии 23 октября 1908 г. Записалось выступить 213 депутатов — около половины всего депутатского корпуса. Если бы не факт реального существования этого закона, то было мало надежд на проведение его через Думу. Многие из числа правых были противниками аграрного переустройства и в конечном итоге голосовали «за», чтобы только поддержать решение монарха.

Выступая перед Думой 5 декабря 1908 г., П.А. Столыпин говорил: «Была минута, и минута эта недалеко, когда вера в будущее России была поколеблена, когда нарушены

были многие понятия; не нарушена была в эту минуту лишь вера в царя, в силу русского народа и русского крестьянина. Это было время не для колебаний, а для решений. И вот, в эту тяжелую минуту, правительство приняло на себя большую ответственность, проводя в порядке ст. 87 закон 9 ноября 1906 г., оно делало ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных. Таковых в короткое время оказалось около полумиллиона домохозяев, закрепивших за собой более 3 200 000 десятин земли. Не парализуйте, господа, дальнейшего развития этих людей и помните, законодательствуя, что таких людей, таких сильных людей в России большинство». Но обсуждения этого закона в Думе растянулись на годы и он был окончательно одобрен и опубликован лишь 14 июня 1910 г., хотя фактически действовал более трех с половиной лет.

За пять лет существования Третья Государственная дума приняла ряд важных законопроектов в области народного просвещения, укрепления армии, местного самоуправления. П.А. Столыпин в общем был удовлетворен ходом государственных преобразований и осенью 1909 г. в интервью саратовской газете «Волга» еще раз подчеркнул стратегическую цель преобразований: «Я полагаю, что прежде всего надлежит создать гражданина, крестьянина-собственника, мелкого землевладельца, и когда эта задача будет осуществлена, гражданственность сама воцарится на Руси. Сперва гражданин, а потом гражданственность... Эта великая задача наша — создание единоличного собственника, надежнейшего оплота государственности и культуры, — неуклонно проводится в жизнь».

§ 2. Историческое значение столыпинской аграрной реформы

Столыпинская аграрная реформа — понятие условное, ибо она не составляет цельного замысла и при ближайшем рассмотрении распадается на ряд отдельных мероприятий. Не совсем правильно и название реформы, так как Столыпин не являлся ни автором ее основных концепций, ни разработчиком. Хотя у него были и свои собственные идеи.

Будучи саратовским губернатором, Столыпин предлагал создавать крепкие крестьянские хозяйства на землях, купленных при поддержке Крестьянского банка. Процветание этих хозяйств должно было стать примером для окружающих крестьян, которые, как надеялся Столыпин, постепенно отказались бы от общинного землевладения. Об ускоренной ломке общины в те времена Столыпин не помышлял.

Когда он возглавил Министерство внутренних дел, оказалось, что там на эту проблему смотрят несколько иначе. Власти уже не стремились сохранить общину, так как не считали ее оплотом порядка. В течение ряда лет группа чиновников под руководством товарища министра внутренних дел В.И. Гурко (сын героя русско-турецкой войны 1877 — 1878 гг.) разрабатывала проект, который должен был осуществить крутой поворот в политике правительства.

В отличие от столыпинского замысла, проект Гурко предполагал создание хуторов и отрубов на надельных (крестьянских) землях, а не на банковских. Разница была существенной. Впрочем, не в создании хуторов и отрубов заключалась первоочередная цель проекта Гурко. Она заключалась в ускоренной ломке общины.

Проект предусматривал, что каждый член общины может заявить о своем выходе из нее и укрепить за собой свой чересполосный надел, который община отныне не вправе ни уменьшить, ни передвинуть. Зато владельцу разрешалось продать укрепленный надел кому угодно: хоть соседу, хоть крестьянину из другой общины. С агротехнической точки зрения такое новшество не сулило большой пользы, поскольку надел оставался чересполосным. Но оно способствовало расколу общины, особенно накануне передела земли.

Конечно, Столыпин не мог не считаться с работой, проделанной в министерстве до его прихода. Не мог он не считаться и с мнением помещиков. В мае 1906 г. собрался I съезд уполномоченных дворянских обществ. Чуть ли не в один голос дворяне

потребовали ликвидации общины, которая сильно им насолила за два года революции. Столь же единодушно они выступили против наделения крестьян землей за счет помещиков.

Но обстановка в стране тогда была неопределенная. Давление дворян уравновешивалось давлением Думы и крестьянства. В конце августа 1906 г. Столыпин провел мероприятия по передаче Крестьянскому банку части государственных и удельных земель для продажи крестьянам. Тем самым он приступил к исполнению своего давнего замысла. По существу, выражаясь современным языком, речь шла о приватизации части государственных земель.

Гурко возражал против этих мероприятий. Он считал, что они оживят надежды крестьян на переход в дальнейшем помещичьей земли в их руки. К тому же Гурко подозревал Столыпина в намерении помочь крестьянам в этом деле. Такое мнение разделяли и другие помещики. В действительности Столыпин не допускал и мысли о полной ликвидации помещичьего землевладения. Иное дело — частичное его ограничение. Так, он говорил, что не в крупном землевладении сила России. Большие имения отжили свой век. Их, как бездоходные, сами владельцы начали продавать Крестьянскому банку. Опора России не в них, а в царе.

В обстановке 1906 г. никто из министров не решился бы явиться к царю с предложением сделать отрезки от помещичьих латифундий. Столыпин, как видно, считал, что в таком предложении нет надобности, ибо частичное отчуждение помещичьих земель уже идет. Многие помещики, напуганные революцией, продают имения. Важно, чтобы Крестьянский банк покупал эти земли, разбивал на участки и продавал крестьянам. На банковских землях стали появляться крепкие фермерские хозяйства. До 1911 г. объем продаж ежегодно возрастал, а затем начал снижаться. Это объяснялось тем, что у помещиков прошел вызванный революцией испуг и они сократили продажу своих земель. Всего за 1907—1915 гг. из фонда банка было реализовано 3909 тыс. дес., разделенных примерно на 280 тыс. отдельных участков. Деятельность Крестьянского банка заняла хотя и видное, но все же второстепенное место в аграрной политике правительства. Однако именно это направление было наиболее близко Столыпину.

Главной в аграрной реформе стала реализация проекта Гурко, который лег в основу указа 9 ноября 1906 г. Гурко вскоре ушел в отставку, но Столыпин постепенно проникся его проектом и усвоил его основные идеи. «Надо вбить клин в общину», — говорил он. Указ 9 ноября 1906 г. был одобрен III Думой и Государственным советом, 14 июня 1910 г. его подписал царь. Закон 14 июня 1910 г. заменил указ 9 ноября 1906г.

Пока шла революция, крестьяне почти не выходили из общины. Ходил слух, что тем, кто выйдет, не будет прирезки земли от помещиков. Но затем укрепление общинных земель пошло быстрее, тем более что власти всячески к этому подталкивали. В 1908 г. по сравнению с 1907 г. число укрепившихся домохозяев увеличилось в 10 раз и превысило полмиллиона. В 1909 г. был достигнут рекордный показатель — 579,4 тыс. домохозяев.

Однако с 1910 г. число выходов из общины стало неуклонно снижаться. Власти долго не могли понять причины этого явления. А поняв, не хотели их признать. Дело в том, что основная часть крестьян, в том числе зажиточных, неохотно выходила из общины. Выходили больше всего вдовы, одинокие старики, спившиеся и окончательно разорившиеся домохозяева, многим из них при очередном переделе грозила полная или частичная утрата надела. Укреплялись и городские жители, вспомнившие, что в родной деревне у них есть заброшенный надел, который теперь можно продать. Выходили из общины и те, кто переселялся в Сибирь. Но и численность переселяющихся с 1910 г. пошла на убыль.

Всего к 1 января 1916 г. из общины в чересполосное укрепление вышло около 2 млн. домохозяев (примерно 21% общинного крестьянства в тех губерниях, где проводилась реформа). Правда, многие из них были лишь статистическими единицами, а

не реальными хозяевами. Всем им принадлежало 14, 1 млн. дес. земли (15,5% всей площади, владевшей на общинном праве).

Огромное количество укрепленной земли шло в продажу. Покупателем иногда являлось сельское общество, и тогда земля возвращалась в мирской котел. Чаще же укрепленные участки покупали отдельные крестьяне-общинники, богатые и средние. Иногда и бедняки покупали по одной-две полосы. Нередко в руках одного и того же хозяина оказывались и укрепленные и общественные земли. Не выходя из общины, он в то же время имел и укрепленные участки. Земельные отношения в деревне еще больше запутывались.

Стремясь привлечь на свою сторону крепких домохозяев, тяготившихся общинными порядками, правительство разработало законопроект «О землеустройстве». 29 мая 1911 г. он стал законом. Отныне во главу угла всей реформы было поставлено не чересполосное укрепление, а образование хуторов и отрубов. Предполагалось, что их владельцы станут массовой опорой режима. По просьбе домохозяина его разрозненные земельные полосы могли быть соединены в одно место. Так получался отруб. Если к отрубам присоединялась площадь деревенской усадьбы и на него переносилось жилье, он превращался в хутор. Потребовался большой объем землеустроительных работ. Реформа постепенно стала переходить из рук Министерства внутренних дел в руки Главного управления землеустройства и земледелия.

Землеустроительное ведомство пошло по линии наименьшего сопротивления. Оно предпочитало не заниматься выделами отдельных домохозяев, а разбивать на отруба или хутора надел целого сельского общества. Согласие на такой раздел нередко достигалось путем грубого давления. Началась массовая фабрикация хуторов и отрубов. В общем потоке землеустройства и беднота с ее крошечными наделами. Около половины хуторов и отрубов, созданных на втором этапе реформы, было нежизнеспособно.

Со смешанным чувством относился Столыпин к такому развитию. С одной стороны, он понимал, что только полное расселение на хутора окончательно ликвидирует общину. Крестьянам, рассредоточенным по хуторам, труднее бунтовать. С другой стороны, он видел, что вместо крепких, устойчивых хозяйств землеустроители фабрикует массу мелких и слабых. Такие хозяйства не могли стать опорой режима. Однако Столыпину так и не удалось развернуть громоздкую машину землеустроительного ведомства, чтобы она действовала не так, как ей удобно, а как лучше для дела.

Всего за годы реформы в европейской части России было создано около 200 тыс. хуторов и 1,3 млн. отрубов на наделных землях. На хутора и отруба перешло приблизительно 10% крестьянских хозяйств.

Действия землеустроителей нередко наталкивались на сопротивление крестьян. Иногда дело принимало трагический оборот. В мае 1910г. полицейские стражники расстреляли сход в селе Болотове Лебедянского уезда Тамбовской губернии. Конфликт произошел из-за слишком явного покровительства отрубщикам со стороны властей в ущерб остальным крестьянам.

Мужики сопротивлялись переходу на хутора и отруба не по темноте своей и невежеству, как считали власти, а исходя из здравых соображений. Крестьянское земледелие очень зависело от капризов погоды. Получив надел в одном отрубе, крестьянин оказывался во власти стихии. Он разорялся в первый же засушливый год, если его отруб был на высоком месте. Следующий год был дождливым, и очередь разоряться приходила соседу, оказавшемуся в низине. Только большой отруб, расположенный в разных уровнях, мог гарантировать ежегодный средний урожай.

Вообще во всей этой затее с хуторами и отрубами было много надуманного, доктринерского. Сами по себе хутора и отруба не обеспечивали подъем крестьянской агрикультуры. Необходимость повсеместного их введения, строго говоря, никем не доказана. Между тем Столыпин и его сподвижники утвердились в мысли, что хутора и

отруба — единственное универсальное средство, способное поднять уровень крестьянского хозяйства на всем пространстве необъятной России.

Несмотря на все старания правительства, хутора приживались только в белорусских, литовских и северо-западных российских губерниях (Псковской, Смоленской). Здесь сказывалось влияние Прибалтики и Польши. Местный ландшафт, изменчивый, изрезанный речками и ручьями, тоже способствовал расселению по хуторам.

В южных и юго-восточных губерниях широкому распространению хуторов препятствовали трудности с водой. Но здесь (на Северном Кавказе, в Степном Заволжье и Северном Причерноморье) довольно успешно развивалось насаждение отрубов. Плодородная степь, ровная, как стол, словно самой природой была создана для отрубного хозяйства.

В центрально-черноземных губерниях главным препятствием к образованию на общинных землях хуторов и отрубов было крестьянское малоземелье. Прежде чем насаждать хутора и отруба, здесь надо было решить именно эту проблему — отчасти за счет переселения в Сибирь, а отчасти и за счет раздутых помещичьих латифундий.

В нечерноземных губерниях на хутора и отруба смотрели, как на барскую затею, несущую крестьянину одно разорение. Общинное землевладение в этих краях тесно переплелось и срослось с развивающимися товарно-рыночными отношениями. И общину нельзя было разрушить, не повредив этих отношений. Местные крестьянские общества постепенно переходили к многопольным севооборотам и на «широкие полосы». Это укрепляло общину, и власти под разными предлогами стали запрещать такие переходы. Как говорится, коса нашла на камень: крестьяне сопротивлялись насаждению хуторов и отрубов, а правительство чуть ли не открыто препятствовало внедрению передовых систем земледелия. Некоторые крестьянские общества переходили к многополю и на «широкие полосы» самовольно, без официального приговора.

Игнорирование региональных различий — один из недостатков столыпинской аграрной реформы. Этим она невыгодно отличалась от реформы 1861 г. Другим ее слабым местом была идеализация хуторов и отрубов, а также вообще частной собственности на землю. Обычно в народном хозяйстве присутствуют различные формы собственности (частная, общественная, государственная). Важно, чтобы их сочетания и пропорции были разумными, чтобы ни одна из них не вытесняла другие.

Еще одно уязвимое место аграрной реформы заключалось в недостаточном ее финансировании. Огромные государственные средства поглощала гонка вооружений, а на поддержку хуторов и отрубов денег выделялось слишком мало.

Всего за годы реформы из общины вышло около 3 млн. домохозяев (чуть меньше третьей части от общей численности их в переделывающихся общинах европейской части России). Из общинного оборота было изъято 22 % земель, около половины из них пошло на продажу. В конечном итоге властям не удалось ни разрушить общину, ни создать достаточно массовый и устойчивый слой крестьян-фермеров. Так что можно говорить об общей неудаче столыпинской аграрной реформы.

Но огульно отрицательное отношение к ней было бы несправедливо. Некоторые мероприятия, сопутствовавшие реформе, были полезны. Это касается предоставления крестьянам большей личной свободы (в семейных делах, передвижении и выборе занятий, в полном разрыве с деревней). Несомненно плодотворной была идея Столыпина о создании хуторов и отрубов на банковских землях, хотя она не получила достаточного развития. Приносили пользу и некоторые виды землеустроительных работ: устройство отрубов в южных губерниях, размежевание соседних общин в Нечерноземье. Наконец, в рамках реформы небывалого размаха достигло переселенческое движение.

После окончания революции, когда выяснилось, что прирезки помещичьей земли не будет, взоры российских крестьян устремились в Сибирь. Несмотря на спешное развертывание переселенческого дела, правительство едва справлялось с резко возросшим наплывом мигрантов. За 1906—1916 гг. в Сибирь уехало 3,1 млн. человек. В основном это

были крепкие молодые люди, принесшие большую пользу Сибири. Были распаханы пустующие земли, появились новые города. Большинство переселенцев сумело устроиться на новом месте, завести более прочное, чем на родине, хозяйство.

Не всех, однако, встречала удача. Особенно в трудном положении оказывались те, кто получал участок в лесных и заболоченных местностях. Многие переселенцы, растратив в борьбе с природой и жизненными обстоятельствами все силы и средства, вернулись в родные места, где у них уже не было ни надела, ни дома. В течение 1906—1911 гг. возвратилось более полумиллиона человек. Поток возвратившихся особенно возрос с 1910 г.

Обеспокоенный этим, П.А. Столыпин в 1910 г. совершил поездку в Сибирь. Он побывал в предгорьях Алтая, проехал через Кулундинскую степь, посетил переселенческие поселки в Мариинской тайге. С особым интересом осматривал он маслодельные заводы, созданные крестьянскими артелями. Маслоделие в те времена было предметом гордости сибиряков. Экспорт масла из России основывался на сибирском маслоделии. Только в 1907 г. было вывезено 3,6 млн. пудов масла на сумму 47 млн. руб., главным образом из Сибири. Сибирское маслоделие давало России золота вдвое больше, чем вся сибирская золотопромышленность.

Ознакомившись на месте с постановкой переселенческого дела, Столыпин пришел к выводу, что оно находится под слишком жестким бюрократическим контролем. Правительственные чиновники, полагал он, не должны вмешиваться в хозяйственные дела переселенца. Они обязаны лишь в необходимых случаях приходить к нему на помощь. По инициативе Столыпина был начат пересмотр законодательства о переселениях.

Многие сибирские промышленники жаловались, что часто попадают в безвыходное положение, не имея возможности купить тот участок земли, на котором расположено их предприятие. В Сибири почти не было частной собственности на землю. Она находилась во владении государства или казачьих войск. Во время поездки у Столыпина родился грандиозный по масштабам замысел приватизации сибирских земель. Столыпин говорил, что «главное богатство и мощь государства не в казне и казенном имуществе, а в богатеющем и крепком населении».

Сибирь, где не было помещиков, где тон задавал богатый мужик, произвела глубокое впечатление на Столыпина. Он вернулся оттуда со смешанным чувством восхищения и тревоги. И сразу же отказался от проекта введения земства в Сибири, решив, что оно будет слишком демократическим. При всей широте своего кругозора он не мог стряхнуть с себя помещика и дворянина.

До начала мировой войны правительство не успело перестроить свою переселенческую политику. Численность переселяющихся по-прежнему снижалась, а возвратившихся росла. Не был осуществлен и проект приватизации сибирских земель.

Переселенческая эпопея 1906—1916 гг., так много давшая Сибири, мало отразилась на положении крестьянства в центральной России. Численность ушедших за Урал составила всего 18% естественного прироста сельского населения за эти годы. С началом промышленного подъема возросла миграция из деревни в город. Но даже вместе эти два фактора (уход в город и переселение) не смогли поглотить естественный прирост. Земельное утеснение в российской деревне продолжало нарастать.

§ 3. Гибель П.А. Столыпина. Хозяйственные успехи и общественная ситуация. Распутин

Реформы, проводимые в России, вызывались старыми причинами и имели дальние цели. Последние 4—5 лет перед первой мировой войной стали периодом ошутимого прорыва во многих отраслях хозяйства, всестороннего прогресса в различных сферах общественной деятельности. Два обильных урожая 1909 и 1910 гг. стимулировали хозяйственное развитие. В центре внимания власти оставалась аграрная проблема. В сентябре 1910 г. Николай II писал П.А. Столыпину: «Прочное землеустройство крестьян внутри России и такое же устройство переселенцев в Сибири — вот два краеугольных

вопроса, над которыми правительство должно неустанно работать. Не следует, разумеется, забывать и о других нуждах — о школах, путях сообщения и пр., но те два должны проводиться в первую голову».

Премьеру, имея опору в Думе, удавалось добиваться одобрения большинства вносимых законопроектов, однако недовольных правительственной политикой всегда хватало в стенах Таврического дворца. Когда в стране проявились явные признаки социального умиротворения, критический тон все чаще стал слышен от октябристов и националистов. Они, согласные в принципе с курсом кабинета, порой не принимали конкретные решения, казавшиеся им недостаточными или непродуманными. Более правые, сторонники неограниченного самодержавия в духе Николая I или Александра III, выступали однозначно резко против премьера за его нежелание пойти навстречу утопическим призывам: отказаться от Манифеста 17 октября 1905 г. и признать все формы выборного представительства и гражданских свобод недопустимыми. Именно из рядов крайне правых, имевших сильные позиции в придворных кругах, после подавления революции исходила главная угроза премьеру и курсу его кабинета.

Официоз правительства — газета «Россия», растолковывая правым политическую ситуацию момента, писала осенью 1907 г.: «Консерватизм необходим в государственной жизни каждого народа, и только глупый будет отрицать его законность и необходимость в России. Надо знать, что консервировать, что охранять. Охранять надо живое, а не мертвое. В этом и ошибка наших крайних правых, что они охраняют формы, а не дух, обряды, а не ту сущность, которую они символизировали... После подавления революции разумные люди обязаны пересмотреть ее причины, разобраться в них и уничтожить их. Разумная политика после революции требует реформ, а не восстановления прошлого в его неприкосновенности и целостности».

В различных кругах общества постоянно муссировались слухи о скорой отставке главы кабинета, о том, что он потерял расположение монарха. Чуть больше пяти лет Петр Аркадьевич возглавлял правительство и все это время подобные слухи не стихали. Они особенно были популярны в крайне правых салонах, завсегда и которых имели разнообразные и давние связи с самым близким окружением царя. Но разговоры о падении Столыпина так и оставались разговорами, благодаря сохранявшейся поддержке Николая II. На императора оказывалось постоянное воздействие (следы его явственно просматриваются в документах той поры) в неблагоприятном для первого министра духе, но они не производили должного впечатления, так как Николай II видел нужность и полезность деятельности премьера.

Серьезному испытанию государственная карьера П.А. Столыпина подверглась весной 1911 г. в связи с утверждением законопроекта о введении земских учреждений в западных губерниях. Глава кабинета с особым вниманием относился к этому вопросу, так как с западным краем он был тесно связан и месторасположением собственного имения, и деятельностью на различных выборных и назначенных должностях. Под его руководством был разработан законопроект, представленный законодателям. Он предусматривал распространение земства в тех губерниях, где был силен русский элемент: Витебской, Минской, Могилевской, Киевской, Волынской, Подольской. В то же время премьер считал, что следует временно воздержаться от введения земского самоуправления в тех местностях, где русских было мало (Ковенская, Виленская, Гродненская губернии). Так как в Западном крае значительная часть крупного землевладения была сосредоточена в руках поляков, то предлагалось понизить землевладельческий ценз при выборах по сравнению с общерусским; избиратели разделялись на две курии — польскую и русскую, причем русская избирала гласных в 2 раза больше. Этот проект обсуждался в Государственной думе в начале 1910 г. Дискуссия носила бурный характер, так как вопрос затрагивал не только административную сферу, но и сферу национальных чувств и предрассудков. В конце концов проект был принят, но в него были внесены некоторые изменения и дополнения, смягчавшие его антипольский

характер. В частности, было исключено требование о том, чтобы председатели управ и большинство служащих непременно были русскими, но был сохранен принцип национальных курий. Принятая редакция в общем устраивала правительство.

Для введения закона в действие требовалось одобрение его верхней палатой и царем. Прошло почти восемь месяцев, прежде чем «госсоветовские старцы» приступили к обсуждению. Здесь доминировали представители русского барства, и законопроект столкнулся с неожиданными для правительства трудностями, а вся история постепенно стала приобретать характер политического кризиса. Император через председателя Государственного совета обратился с просьбой поддержать предложения правительства. Некоторые влиятельные члены Совета, выступавшие против национальной польской курии и распространения земства в западных губерниях, восприняли это как недопустимый нажим. Один из видных противников премьера В.Ф. Трепов добился аудиенции у государя и поинтересовался, следует ли рассматривать подобное пожелание как царский приказ. Николай II ответил, что он в таком деле приказывать не может и что здесь следует «голосовать по совести». Эти слова немедленно были истолкованы, как недоверие главе правительства. На пленарной сессии правые выступили совместно с левыми членами Государственного совета и 4 марта 1911 г. 92 голосами (против 68) провалили законопроект.

П.А. Столыпин особенно возмутило, что правительству «вставляют палки в колеса» те, кто громогласно объявлял себя радетелем имперских интересов России и чьи позиции в конечном счете проект защищал. В этой обстановке самообладание Петру Аркадьевичу, очевидно, изменило. Тяжелая повседневная работа на двух ответственных государственных постах, упорное противодействие, которое он постоянно ощущал, не могли не сказаться даже на такой сильной натуре. На следующий день после голосования премьер посетил императора и сообщил ему о своем решении подать в отставку. Царь был невероятно удивлен этой просьбой и заявил: «Я не могу согласиться на Ваше увольнение, и я надеюсь, что Вы не станете на этом настаивать, отдавая себе отчет, каким образом могу я не только лишиться Вас, но допустить исход под влиянием частичного несогласия Совета» и попросил П.А. Столыпина предложить «какой-либо иной исход».

И премьер предложил путь, неоднократно уже испытанный и позволявший оперативно решать сложные задачи, не откладывая их в долгий ящик всевозможных обсуждений и согласований. Речь шла о том, чтобы распустить на несколько дней обе палаты и провести законопроект по 87 статье «Основных законов...». Предложение вызвало сомнения у императора именно в силу того, что амбиции депутатов не позволят им молча проглотить такую «горькую пилюлю» и страсти разгорятся с невероятной силой. Но эти опасения представлялись главе правительства несущественными, он был уверен, что большинство Думы поймет и поддержит подобный шаг. В конечном итоге он не только убедил монарха в уместности этого шага, но и попросил его примерно наказать лидеров правых в Государственном совете П.Н. Дурново и В.Ф. Трепова — прервать их работу в Совете и рекомендовать им выехать из Петербурга. Царь был озадачен и попросил время на обдумывание подобных мер.

Размышление продолжалось пять дней, и весь этот период правительство находилось в подвешенном состоянии. Столыпин не питал особых надежд на благоприятный исход, понимая, что его предложения не могли не уязвить самолюбие монарха, получившего по сути дела ультиматум. Потом говорили, что в защиту позиции главы правительства выступили некоторые влиятельные члены императорской фамилии, в том числе и вдовствующая императрица Мария Федоровна. Так или иначе, но случилось почти невероятное: 10 марта 1911 г. Петр Аркадьевич был вызван в Царское Село, где император подписал указы о перерыве сессий Государственного совета и Государственной думы и поручил объявить П.Н. Дурново и В.Ф. Трепову повеление

выехать из Петербурга. Это был, по словам одного из современников, действительно «неслыханный триумф Столыпина».

Но дальше произошли события, показавшие верность царских опасений. Как только был опубликован указ о перерыве работы законодательных палат, немедленно последовала бурная реакция тех, на кого Столыпин опирался в предыдущие годы. Взбунтовались октябристы. Они сочли, что этот шаг ведет к недопустимому умалению авторитета представительных учреждений и означает поворот к прошлому. Когда же 14 марта был издан по 87 статье закон о западном земстве, то возмущение охватило даже самых преданных столыпинских сторонников. Председатель Думы А.И. Гучков в знак протеста демонстративно сложил с себя звание председателя, а несколько думских фракций внесли запросы о нарушении «Основных законов...». Негодовали и правые, возмущенные репрессиями против своих лидеров. Вся печать ополчилась против премьера. Глава кабинета выступил с разъяснениями и в верхней палате, и в нижней, но лавров не снискал.

П.А. Столыпин занимал свои посты еще несколько месяцев, однако его государственная карьера была насильственно прервана: 1 сентября 1911 г. он стал жертвой террористического покушения.

В конце августа 1911 г. в Киеве проходили пышные торжества, посвященные открытию памятника Александру II в связи с 50-летием крестьянской реформы 1861 г. На эти празднества прибыли царская семья и высшие должностные лица империи. Премьер приехал заранее для того, чтобы организовать 29 августа встречу монарха. Последующие три дня прошли в круговерти приемов, торжественных молебнов, смотров и парадов. Вечером 1 сентября, в последний день торжеств, в Киевском городском театре шла опера Н.А. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане», на которой присутствовали царь со старшими дочерьми, министры, генералитет, «сливки» киевского общества. Во время второго антракта, примерно в 23 часа 30 минут, к премьеру, стоявшему перед первым рядом кресел, подошел молодой человек во фраке и произвел в упор два выстрела. Петр Аркадьевич Столыпин был помещен в одну из киевских клиник, где 5 сентября в 10 часов 12 минут вечера скончался и 9 сентября был торжественно похоронен в Киево-Печерской лавре.

Убийцей премьера оказался двадцатичетырехлетний Д.Г. Богров, сын богатого киевского домовладельца-еврея, несколько лет тесно сотрудничавший с тайной полицией. Он получил хорошее образование: окончил гимназию, затем учился на юридическом факультете Киевского университета, диплом которого получил в 1910 г. Еще с гимназических лет увлекался чтением нелегальной эсеро-анархистской литературы и к моменту окончания гимназии в 1905 г. был настроен довольно радикально. Затем он, уже будучи студентом университета, сблизился с киевскими анархистами-коммунистами, участвовал в нелегальных собраниях, на которых вынашивались планы террористических актов и экспроприации. В 1907 г. по доброй воле Богров стал агентом Киевского охранного отделения и выдал полиции планы, имена и явки нелегалов. Осведомительной деятельностью он занимался несколько лет, получая за свою работу денежные субсидии. Связи с полицией помогли ему получить доступ в киевский театр.

На допросах после покушения Богров, охотно рассказывая о себе, не смог внятно объяснить мотивы своего поступка, заявив лишь, что считал Столыпина «главным виновником реакции». Вина Д.Г. Богрова была установлена бесспорно. Военный суд приговорил убийцу к высшей мере, и 11 сентября 1911 г. он был повешен.

Покушение на П.А. Столыпина гулким эхом отозвалось по всей России; этому событию уделяли большое внимание иностранные газеты. Кровавые эксцессы, как казалось многим, начинали стихать, жизнь понемногу входила в нормальное и спокойное русло и вдруг эти выстрелы в Киеве! Легальная печать выступила с осуждением этого жестокого и бессмысленного поступка.

Смерть П.А. Столыпина заметно не отразилась на политическом курсе правительства. Кабинет возглавил министр финансов В.Н. Коковцов, сохранивший за собой и пост главы финансового ведомства. Министром внутренних дел был назначен товарищ министра внутренних дел, заведующий департаментом полиции А.А. Макаров. Земельную реформу продолжал осуществлять ближайший сподвижник Столыпина А.В. Кривошеин, возглавлявший с 1908 г. Главное управление землеустройства и земледелия.

Три последующих года явились благоприятными годами для экономики, периодом оживленного хозяйственного развития. Общий сбор зерновых хлебов, составлявший в 1908—1912 гг. в среднем 45 555 млн. пудов в год, в 1913 г. достиг 5637 млн. пудов, превысив сбор 1912 г. на 565 млн. пудов. Экспорт зерновых составил в 1913г. 647,8 млн. пудов против 548,4 млн. пудов в 1912 г. Этот рост был вызван не только благоприятными погодными условиями, но и улучшением агротехники и агрикультуры, чему способствовала и правительственная политика. Расходы из казны по оказанию агрономической помощи населению и распространению сельскохозяйственного образования резко возрастают: в 1908 г. они составили 5702 тыс. руб., а в 1913 г. — уже 29 055 тыс. руб.

Отечественная промышленность, попавшая с 1900 г. в полосу мирового финансового кризиса, выходила из него чрезвычайно медленно, так как ситуация усугубилась политической нестабильностью, в результате чего в России депрессия ощущалась дольше и в некоторых отношениях была острее, чем в развитых европейских странах. Лишь в 1909 г. стали появляться заметные признаки оздоровления, а в 1910 г. наступил перелом в хозяйственно-рыночной конъюнктуре. Так, если в 1908 г. в России были учреждены 123 новые компании (по другим источникам 120), то в 1909 г. — 130 (131), в 1910 г. — 206 (198), в 1911 г. — 277 (262), в 1912 г.— 361 (342), а в 1913 г. — 374 (399). К началу 1914 г. в империи оперировала 2181 акционерная компания (без железнодорожных) с общим капиталом 4538 млн. руб. С начала 1910 г. общий прирост составил 663 компании и 1718 млн. руб., или соответственно 44 и 61%. Таких темпов акционерного учредительства в то время не знала ни одна страна мира.

Курсы дивидендных бумаг отечественных компаний при свободной котировке показывали повышательную тенденцию, отражавшую высокий экономический динамизм и устойчивость всего народного хозяйства. В 1910—1914 гг. крупные российские фирмы нередко выплачивали очень высокий дивиденд, составлявший 15% и более в год на одну акцию.

Несмотря на неизбежные текущие биржевые колебания, пределы котировок ценных бумаг ведущих компаний были значительно выше номинальной отметки. В этот период в России начинает возникать и заметная прослойка держателей негарантированных правительством ценных бумаг. Именно в это время появляется мелкий акционер, и многие фирмы, чутко улавливая социальные изменения, стремились эмитировать (вместо традиционной 250-рублевой акции) бумаги сравнительно невысокого номинала — 100, 75, 50, 25 и даже 10 рублей. Представление о некоторых общих показателях хозяйственного развития России с конца XIX в. можно получить из следующих данных (см. таблицу).

Общие показатели хозяйственного развития России с конца XIX в.

Вид деятельности, отрасль производства	1894—1895 гг.	1914 г.	Прирост (в%)
Вклады в сберкассы (в млн. руб.)	330,3	2 236,0	577
Стоимость фабрично-заводской продукции (в млн. руб.)	1500	6500	333
Производство сахара (в млн. пуд.)	30	104,5	248
Производство хлопка (в млн. пуд.)	3,2	15,6	388
Добыча золота (в пуд.)	2576	3701	44
Добыча нефти (в млн. пуд.)	338	560	66
Добыча каменного угля (в млн. пуд.)	466	1983	326
Производство чугуна (в млн. пуд.)	73	254	248
Количество лошадей (в млн. голов)	26,6	37,5	41
Количество крупного рогатого скота (в млн. голов)	31,6	52	65

Россия имела крепкий бюджет. В 1913 г. (последний мирный год) доходы превышали расходы почти на 400 млн. руб. Рассмотрение бюджетных показателей позволяет установить главные направления политики государства, его основные приоритеты. Расходная часть бюджета России в 1913 г. составила 3094,2 млн. руб. (в 1900 г. — 1459,3 млн. руб.). Самыми большими статьями расхода были военные — в общей сложности на эти цели ассигновалось около 28%. (Для сравнения: в 1913 г. в Германии, Англии и Франции соответственно расходовалось 27, 35 и 27% государственных средств.)

Хотя в абсолютных цифрах военные расходы России с 1900 г. увеличились в 2 раза, их удельный вес в общем объеме государственных расходов практически остался прежним. Зато по другим статьям эти изменения выглядели весьма внушительно. Особенно изменились две статьи. В 1913 г. по сравнению с 1900 г. расходы Главного управления землеустройства и земледелия (ведавшего реализацией столыпинской земельной программы) увеличились на 338% (39 и 135,8 млн. руб. соответственно), а доля расходов по Министерству народного просвещения в бюджете поднялась с 2,1% (1900 г.) до 14,6% в 1913 г., или на 475,4%.

Несмотря на неудачную русско-японскую войну и революционную смуту, Россия к началу второго десятилетия XX в. преодолела серьезнейшие финансовые проблемы, залечила раны и, как казалось, уверенно смотрела в будущее. Потенциал страны был огромен, перспективы необозримы. Общая политическая ситуация стабилизировалась. Радикальные партии не могли оправиться после поражения революции и находились в состоянии распада и фракционной борьбы. Но при всех достижениях народного хозяйства, при невероятном расцвете художественного творчества, замечательных достижениях науки и культуры, при несомненных признаках политического умиротворения все время существовала внутренняя социальная напряженность, которая вне зависимости от смысловой окраски никогда не исчезала. Практически все элементы той части населения, которую было принято называть «политически сознательной», в той или иной степени были не удовлетворены ни тем, как шли дела, ни тем, что делала власть.

Убежденных монархистов — людей, беззаветно готовых служить «царю и отечеству», оставалось все меньше. Нет, отечеству готовы были служить все; об этом постоянно и громогласно заявляли не только «штатные политики», но и остальные. А вот царю... Именно здесь проходил незримый, но все более осязаемый водораздел.

Носителями идеологии «государственного отщепенства», которая, по словам Ф.М. Достоевского, издавна отличала русскую интеллигенцию, становились не только собственно лица свободных профессий, но и те, кто неразрывно был связан с государственной системой, с монархической самодержавностью и своим происхождением, и своей службой, и своим благополучием. Значительная часть дворянства еще в 1905 г. бросила царя на произвол судьбы, не проявив ни желания, ни воли защитить исторические начала. После 1905 г. все более открыто претензии к власти стали высказывать и предприниматели, которых уже не устраивал традиционный административный контроль за их коммерческой деятельностью, не удовлетворяла их отстраненность от рычагов государственного управления. Самой шумной и наиболее амбициозной из них была группа промышленников из Москвы, известная как «кружок Рябушинского».

Ее лидером был П.П. Рябушинский, представитель старинного рода купцов-старообрядцев, глава крупной торгово-промышленной фирмы, действовавшей под маркой товарищества «П.М. Рябушинский сыновья» и занятой производством хлопчатобумажных тканей. Этой семье принадлежала крупная недвижимость в разных районах России — она контролировала два частных кредитных учреждения: Харьковский земельный банк и Московский банк. Глава семейно-финансового клана П.П. Рябушинский субсидировал выходившую в Москве газету «Утро России», сделавшую главной темой критику всех аспектов правительственной политики. Московские миллионеры в 1912 г. стали соучредителями «Прогрессивной (прогрессистской) партии», включавшей небольшую часть деловой элиты России и претендовавшей на выражение интересов всей России. Это объединение было нежизнеспособным, ибо не имело сколько-нибудь заметной общественной опоры.

Политической программы, приемлемой не только для сколько-нибудь значительных общественных элементов, но даже для представителей деловой среды, они не создали; все их «идеологические изыски» являлись попытками синтезировать кадетизм с октябризмом.

В 1912 г. П.П. Рябушинский добился скандальной славы: на банкете в честь приехавшего в Москву главы кабинета министров В.Н. Коковцова он выступил с резкой речью, которую завершил тостом: «Пью не за правительство, а за русский народ, многострадальный, терпеливый и ожидающий своего истинного освобождения». История утаила от потомков, что пил этот «борец за свободу» на том званом обеде, но известно (об этом писали газеты), что кухня была утонченная и стол ломился от дорогих яств. Но действительно, где же произносить столь зажигательные и прогрессивные речи? Не в бараке же на своей фабрике, где в тесноте и антисанитарии ютились представители того самого «многострадального и терпеливого народа», о котором так пекся их хозяин, закусывая икрой. Фирма Рябушинских отличалась не только своей финансовой солидностью, но и тем, что принадлежала к числу предприятий с наиболее тяжелыми условиями труда и особо низкой зарплатой. Осенью 1905 г. там прошли серьезные рабочие волнения, подавить которые как раз и помогла «старая власть», столь нелюбимая московским миллионером.

Речи амбициозных промышленников, их банальные аргументы и примитивные доводы могли ненадолго эпатировать сановных бюрократов, но на общую политическую обстановку в стране практически не влияли. Более умно и талантливо роль разоблачителей и хулителей выполняли «златоусты» либерально-кадетского толка и в стенах Государственной думы, и вне ее. Незадолго до войны все недовольные властью, все критики и «улучшатели жизни» получили новый аргумент в свою пользу, заимели

сильное идеологическое орудие, которое, как оказалось позднее, стало мощным средством разрушения престижа, а следовательно, и силы власти. Речь идет о Распутине.

Об этом человеке написано невероятно много; его имя бесчисленное количество раз встречается на страницах мемуаров, дневников, романов, пьес, специальных исследовательских работ. Большой интерес к нему проявлялся всегда и в зарубежных странах: образ загадочного, темного и распутного мужика, как утверждалось, околдовавшего властителя огромной империи, вызывал (и вызывает) стойкое любопытство. Все в этом сюжете западному обывателю казалось диким, невероятным, безумным, не имевшим прецедента. Да и в нашей стране вышло немало сочинений, наполненных баснословными сказаниями на распутинскую тему. Лишь в последние годы стали появляться работы, преследующие не разоблачение, а исследование жизни Распутина, историю его взлета к вершинам власти и известности.

Что же действительно известно о Распутине и каковы истинные масштабы его влияния? Бытующие оценки и суждения в большинстве случаев не подтверждены документальными свидетельствами. Факты сплошь и рядом заменены расхожими представлениями, формировавшимися в обществе, находившемся в истерическо-апокалипсическом состоянии. «Крестными отцами» пресловутого «Гришки-чародея» были не только радикальные и либеральные деятели. Раздуванию распутинской истории способствовали и близкие к трону лица, те, кто искренне стремился сохранить монархический режим, но под воздействием всеобщей напряженности перестал адекватно оценивать происходящее. Коллапс власти многие представители аристократически-сановного мира не связывали с кризисом системы; они были убеждены, что дела идут не так, как хотелось, оттого, что «царь слаб», а основную причину всех неурядиц видели в самовласти «не тех людей», в засилье «темных сил» с Распутиным во главе.

Вместе с тем бесспорно, что в последние годы монархии роль этого человека была достаточно необычна: он являлся интимным другом царской семьи, с которым венценосцы часто и с радостью общались в узком кругу. Такие встречи доставляли и Николаю II, и императрице Александре Федоровне душевный покой — то состояние, которое иными путями и другими общениями они получить не могли. Как же случилось, что простой сибирский крестьянин стал желанным гостем тех, кто символизировал высшую власть в стране, охватывавшей шестую часть земной суши? Тому было несколько причин. Последний царь и царица являлись глубоко верующими людьми, стремившимися в своей жизни и делах поступать в соответствии с заветами Всевышнего. Но как узнать Его волю, у кого получить ответы на постоянно возникавшие вопросы?

Ко времени знакомства с царской четой (в 1905 г.) проповедник из Сибири, еще с конца 90-х гг. XIX в. утверждавшийся в благочестивом подвижничестве, успел очаровать и вызвать симпатию к себе некоторых видных церковных деятелей (например, проповедника Иоанна Кронштадтского), имевших и глубокую веру, и кругозор, и разносторонние знания. Это подчеркивает достаточную неординарность личности Распутина, который сам никуда «не лез». Ему помогали ценители его, как казалось, удивительных провидческих способностей. Покровители выводили его в свет, давали наилучшие рекомендации. Ум, сила воли, крестьянская сметка и уникальная природная интуиция делали из Распутина образ сильный, яркий, производивший глубокое впечатление на многих. Он хорошо знал Священное писание и на своем веку много странствовал, бывал в крупнейших православных центрах России, посещал Афон и Иерусалим. В нем постоянно происходила борьба между праведным и «бесовским», но с годами темные стороны натуры стали преобладать.

Первые свидания сибирского старца с императорской четой не привели ни к каким последствиям. Он говорил им о любви, о смирении, о грехе и покаянии, т.е. о том, что являлось важнейшими сущностными категориями христианства. В принципе такие встречи не были сами по себе из ряда вон выходящими. Царская семья любила беседы на темы Священного писания с известными теологами, священниками и просто «божьими

людьми». Однако Распутин, появившись в числе многих, стал единственным не по этим, хотя важным, но не определяющим причинам. Роковой цепью общей судьбы, связавшей венценосцев и крестьянина Григория Ефимовича Распутина, стала страшная болезнь (гемофилия) наследника Алексея, родившегося в 1904 г.

Известно, что Распутину действительно удавалось благоприятно воздействовать на течение болезни и предсказывать счастливый исход тогда, когда надежд на спасение маленького принца у врачей уже не было. В последние годы императрица Александра Федоровна уже безусловно уверовала в то, что «дорогой Григорий» послан ей Всевышним, что молитва и заступничество этого человека спасают царскую семью от несчастий, сулят им и стране благополучие в грядущем. Постепенно подобное убеждение стал разделять и Николай II, однако у него вера в «дорогого Григория» никогда не носила того фанатического характера, который она приобрела у Александры Федоровны. Именно царица спровоцировала ситуацию, при которой стало возможным воздействие Распутина на дела государственного управления.

Распутинское вмешательство истинное, но чаще мнимое служило в свое время темой оживленных пересудов — ему присваивались военные неудачи, им объясняли бессилие административной власти в стране. Однако в действительности, в отличие от распространенных суждений, влияние Распутина никогда не было беспредельным и в силу этого не могло стать фатальным. Никогда по его пьяной прихоти не сменяли министров и по его рекомендации в одночасье не назначали случайных лиц на высшие посты. Таких возможностей у «царева друга» не было даже в самые звездные моменты его карьеры. Все назначения шли от царя, который, выслушивая мнения других, окончательные решения принимал сам, причем очень многие из этих решений откровенно не нравились и даже пугали императрицу и ее ментора. Александру Федоровну действительно можно, да и то с оговорками, назвать рупором Распутина, но Николая II считать его орудием просто нельзя. В то же время очевидно, что скандальный старец поспособствовал карьере ряда лиц, но число таких случаев в общей массе административно-служебных перемещений было очень невелико.

§ 4. Между миром и войной: противостояние коалиции

В начале XX в. среди ведущих мировых держав все явственней обозначались контуры военно-стратегических союзов. Второстепенные противоречия отходили на задний план и начинали доминировать коренные интересы и генеральные цели. Так как главные мировые события в тот период непосредственно замыкались на Париж, Лондон, Берлин, Петербург, то отношения между этими четырьмя странами и определяли общую политическую ситуацию. Все остальные страны или находились в состоянии стойкой изоляции (США), или замыкались в узких региональных рамках (Япония), или в той или иной степени выступали «подпевалами» солистов (Австро-Венгрия, Турция).

Неприязнь между Лондоном и Берлином не только не уменьшалась, но и приобрела непреодолимый характер. При наличии системы военно-стратегических блоков — Тройственного союза и Русско-французского союза — оставаться и дальше в состоянии «блестящего одиночества» Великобритании становилось все труднее. Ее островное положение уже не гарантировало безопасность в случае военного столкновения в Европе, а мощное наращивание вооружений Германией, в том числе и создание сильного военно-морского флота, делало географические преимущества призрачными.

В начале века Великобритании и Франции удалось преодолеть существовавшие разногласия и заключить союзническое соглашение. Это открывало возможность сблизить позиции между Лондоном и Петербургом, хотя подобного достичь было значительно сложнее, чем между Лондоном и Парижем. Но в подобном развитии были заинтересованы обе стороны, и преодоление старых антипатий и предубеждений делалось для двух стран настоятельно необходимым. В 1906 г. начались дипломатические переговоры между Россией и Великобританией с целью урегулировать наиболее острые разногласия между

двумя империями в Азии. Переговоры тянулись год, и весной 1907 г. появились сообщения в прессе, что они близки к благополучному завершению. Во Франции эта новость вызвала радость, в Германии — разочарование и недовольство.

Беспрецедентный договор между Россией и Великобританией был подписан 18 (31) августа 1907 г. Эпоха враждебного отчуждения подходила к концу. Две страны вступали в новую полосу своих отношений. Англия отказывалась от прав на Тибет (формально находившийся в составе Китая, но фактически состоявший в полном подчинении у англичан). Обе страны признавали в этом районе суверенитет Китая. Россия отказывалась от притязаний на Афганистан; обе державы обязывались уважать неприкосновенность и независимость этого государства. Третьим важным пунктом разграничения интересов была Персия (Иран). Россия и Великобритания делили эту страну на три сферы влияния. Одновременно Лондон и Петербург брали на себя обязательства гарантировать целостность и неприкосновенность Персии.

К концу 1907 г. уже вполне определенно обозначилась геополитическая коалиция, включавшая Францию, Россию и Англию, получившая название «Тройственного соглашения» («Антанта»). Хотя между Петербургом и Лондоном не было заключено военной конвенции, но достигнутая договоренность сближала позиции двух стран. Это особенно проявлялось в Европе, где их интересы все ближе и ближе смыкались под угрозой германского гегемонизма. В 1908 г. в отношениях между Лондоном и Петербургом произошло еще одно важное событие — с официальным визитом в Россию прибыл английский король Эдуард VII (сын покойной королевы Виктории). Это был первый визит английского монарха в Россию (второй визит состоялся лишь в 1994 г., когда Россию посетила королева Елизавета II).

Поездка долго обсуждалась в Великобритании, и реакция на нее не была однозначной. Либеральное общественное мнение считало подобный визит неуместным, так как, согласно непререкаемому либеральному канону, Россия находилась «во власти деспотии» и «Его Величеству» не стоит ни в какой форме демонстрировать свои симпатии. Никто не ставил под сомнение возможность поддержания родственных связей между правящими династиями. Вдовствующая русская императрица Мария Федоровна приходилась сестрой английской королеве Александре (супруге Эдуарда VII), супругой же Николая II была внучка королевы Виктории, а сам русский царь являлся племянником короля. Но одно дело частные, семейные отношения и совсем другое — межгосударственные. В конце концов была изобретена такая форма визита, которую трудно было оспорить. Встреча между королем и царем состоялась в Ревеле (Таллине). Точнее говоря, не в самом городе, а на рейде ревельского порта, в территориальных водах России.

27 мая (8 июня) 1908 г. в акватории ревельского порта появилась королевская яхта «Виктория и Альберт» в сопровождении военных кораблей, которую встречала русская военная эскадра. После взаимных приветствий королевская чета перешла на борт царской яхты «Полярная Звезда», и Эдуард VII сразу сообщил о присвоении Николаю II звания адмирала английского флота. Вскоре начались политические переговоры, продолжавшиеся два дня. Монархи впервые обсуждали возможность войны с Германией. Англичане призывали царя укрепить военные позиции и готовиться к предстоящей схватке. Но такую перспективу русская сторона не считала единственно возможной — в России были уверены, что войны можно избежать, разрешая возникающие противоречия дипломатическими средствами.

Заключая союзническое соглашение с Францией и договор с Англией, в России отнюдь не склонны были демонстрировать враждебное отношение к другим державам и прежде всего к Германии. Отношения между Берлином и Петербургом оставались в центре внимания российской дипломатии, и все, что касалось этих отношений, было под неусыпным контролем царя. Потом, когда случились и мировая война, и последующие социальные потрясения, и в России, и в Германии много размышляли о том, почему все-

таки две монархии, связанные общностью исторической судьбы, родственно-династическими узами, тесными торговыми контактами, оказались по разные стороны фронтовой линии. Тем более что никаких прямых противоречий, территориальных претензий друг к другу у них не было.

Либералы в России ратовали за тесные отношения с Англией и Францией, считая, что в этом залог укрепления и развития «парламентаризма» и «демократии», видя в любом сближении с Германией лишь «проявление реакционного курса». В то же время консерваторы отстаивали идею союза с Берлином, полагая, что именно таким путем можно укрепить монархическую идею и консервативные тенденции в Европе и в России. В этих утверждениях была своя правда. Тем сложнее понять коллизию, почему последние цари, являясь в общем-то носителями консервативных представлений, последовательно поддерживали союз с республиканской Францией (императорам при официальных встречах и визитах приходилось с непокрытой головой выслушивать «Марсельезу», олицетворявшую революцию!), а позднее прилагали немало усилий для сближения с Великобританией, где власть монарха носила номинальный характер и где были очень сильны антирусские настроения.

Ответ может быть только один — политическая целесообразность. Она диктовала курс, отвечающий интересам Российской империи, как их понимали, формировали и отстаивали в российских коридорах власти. Именно подобная политика заставила Россию выступить в поддержку Франции, когда в 80-е гг. XIX в. германский канцлер О. Бисмарк, не удовлетворенный до конца результатами франко-прусской войны 1870 г., вынашивал планы «добить исконного врага Германии». Именно позиция России спасла тогда Францию от нового, еще более мощного удара восточного соседа, хотя между Россией и Францией в тот период не было никаких союзнических соглашений.

Сложный рисунок отношений между Россией и Германией и в XIX в., но особенно в начале XX в., обуславливался различными факторами. В создании атмосферы сначала отчуждения, а потом плохо скрываемой вражды и, наконец, военного противостояния сыграли свою роль различные причины и одна из главных — личные отношения между последним царем и кайзером. Вильгельм II, еще до того, как стал в 1888 г. королем Пруссии и императором Германии, пользовался незавидной репутацией у родственников. Бабушка, английская королева Виктория, относилась к нему с плохо скрываемой антипатией. Его считали бездушным, сумасбродом, солдафоном, человеком, способным на низость. Когда осенью 1918 г. в Германии свершилась революция и кайзер бежал в Голландию, то на его родине появились утверждения о том, что он «был психически больным человеком». Но подобное умозаключение вряд ли отражало истинное положение вещей.

О личности «повелителя Германии» цари и их ближайшее окружение прекрасно были осведомлены. И если Александр III как человек более резкий не очень скрывал свое нерасположение к прусскому родственнику (хотя ему приходилось с ним встречаться и даже принимать один раз у себя уже в качестве императора), то Николай II придерживался иной линии поведения. У них была заметная разница в возрасте: Вильгельм родился в 1859 г., Николай — в 1868 г. Они познакомились еще тогда, когда на троне в России находился Александр III, а в Германии — Вильгельм I (дедушка Вильгельма II). Разность в темпераменте и несхожесть манер не сделали русского цесаревича и германского принца друзьями, но у них установились доверительные отношения, сохранявшиеся долгие годы. Они писали друг другу письма, значительная часть которых была потом опубликована. По восшествии на престол Николая II германский император вознамерился играть роль «старшего брата», захотел стать ментором при молодом русском царе. «Друг Вилли» регулярно корреспондировал «дорогому Ники», использовал любой повод для личной встречи и всегда давал советы, делал оценки, предлагал решения. Раздражали сама манера общения, навязчиво-назидательный тон его речей и посланий и то, что он говорил и как.

Кайзер последовательно отстаивал близкую и сердцу русского царя идею о необходимости тесных, дружественных отношений между Германией и Россией. Николая II не надо было в этом убеждать. Но то, что конкретно предлагал «дорогой Вилли» для достижения этой, «жизненно важной цели», в большинстве случаев не соответствовало геополитическим приоритетам, интересам России. Для «истинного сближения», по замыслу кайзера, Россия должна была дезавуировать союз с Францией, отказаться от всякого сближения с Англией и обратить главное внимание на Восток, в Азию, откуда Европе якобы угрожала «желтая опасность». Это был излюбленный мотив Вильгельма II, который из его уст звучал постоянно. Правда, оставался «балканский узел», где у России имелись давние интересы, старые привязанности, исконные исторические цели. На Балканах усилению позиций России противодействовала не только Турция (Оттоманская империя), но и в не меньшей степени Австро-Венгрия, ближайший партнер и союзник Германии. Но поступиться здесь ничем кайзер не желал. Для Берлина теснейший альянс с Веной являлся краеугольным камнем всей внешнеполитической деятельности. Балканскую тему германский император старался не развивать в своих переговорах и переписке с царем, прекрасно зная, что она для России является чрезвычайно острой и больной.

Ухищрения германского императора не оказывали существенного влияния на русский внешнеполитический курс, одним из важнейших постулатов которого было поддержание, насколько возможно, добрососедских отношений с Германией. Но подобное было возможно лишь при совместных усилиях обеих стран. В Берлине же были твердо уверены, что при сохранении союзнического договора с Францией Россия не может рассчитывать на дружбу Германии. Противоречия между ней и Францией были непреодолимы, так как касались территориального спора о районах Эльзаса и Лотарингии, отторгнутых от Франции во время франко-прусской войны. В Берлине считали, что принадлежность этих территорий рейху не может подлежать никаким обсуждениям, а Париж в самой категорической форме требовал возврата того, что было добыто в результате «военного насилия». В этом были солидарны все политические партии и общественные силы Французской республики.

Лишь один раз, как показалось Вильгельму II, его непрестанные воздействия на царя увенчались успехом и долгожданная цель — разрушение франко-русского союза — близка к достижению. Это произошло в июне 1905 г., когда кайзер и царь подписали так называемый Бьёркский договор. Общая ситуация для России в тот момент была неблагоприятной. Только недавно, в мае 1905 г., в морском сражении при Цусиме русский флот был разбит, и война с Японией становилась бесперспективной. Внутри страны с каждым днем возрастали социальные волнения. И на мировой дипломатической сцене дела не были благоприятны. Франция заключила в 1904 г. договор с Англией и не оказала никакой практической поддержки России во время дальневосточного кризиса. Российская дипломатия теряла почву под ногами. В правительственных кругах Петербурга царил безрадостная атмосфера. И в этих условиях царь согласился во время краткосрочного отдыха на яхте встретиться с германским императором, прибывшим в Бьёркё (около Выборга) на своей яхте «Гогенцоллерн».

Ничто не сулило никаких осложнений, и встреча походила на обычную, не раз до того происходившую. Но кайзер считал иначе и решил, воспользовавшись тяжелыми политическими условиями, в которых оказалась Россия, сделать непредусмотренный заранее шаг. Он предложил царю подписать союзнический договор с Германией. Это предложение было неожиданным, но сулило выход из дипломатической изоляции. Конечно же, сразу возник вопрос о союзе с Францией, и кайзер заверил растерявшегося царя, что в дальнейшем к соглашению может присоединиться и Франция. Царь был не настолько наивен, чтобы не знать глубины и остроты франко-германских разногласий, но он полагал, что поддержание мира в Европе соответствует желаниям всех стран, а существующие проблемы можно будет урегулировать дипломатическими средствами. И

Николай II поставил подпись под текстом на листе, который «случайно» оказался в кармане кайзера.

Вскоре Вильгельм II в характерной для него напыщенной манере самовосхваления описал происшедшее событие. «Хотите Вы это подписать? Это будет очень милым воспоминанием о нашем свидании», — заметил кайзер после того, как царь трижды прочитал предложенный текст. Последовал утвердительный ответ царя. Происшедшее далее в каюте русской императорской яхты «Полярная Звезда» в изложении германского императора выглядело следующим образом: «Я открыл чернильницу, подал ему перо, и он подписал «Николай». Затем он передал перо мне, и я тоже подписал. Когда я встал, он, растроганный, заключил меня в свои объятия и сказал: «Благодарю Бога! Я благодарю Вас. Это будет иметь самые благоприятные последствия для моей страны и для Вашей». Свершилось! Исполнилось давнее заветное желание «дорогого Вилли». Кайзер не скрывает восторга: «Слезы радости наполнили мои глаза, и я подумал: «Фридрих Вильгельм III, королева Луиза, бабушка и Николай I, наверное, смотрят на нас в эту минуту и радуются вместе с нами!».

Что же такое подписали два монарха, что, по мнению кайзера, должно вызвать радость умерших правителей Пруссии и России? Первый пункт гласил, что каждая из сторон обещает в случае нападения на другую сторону прийти на помощь своей союзнице в Европе всеми сухопутными и морскими силами. Далее говорилось, что стороны обязуются не вступать в сепаратные соглашения с противником одной из сторон. При этом Россия брала на себя обязательство не сообщать Франции о подписанном соглашении до его вступления в силу. Лишь затем Петербург получал право оповестить Францию и побудить ее присоединиться к договору. В Бьёркском соглашении был очень важный пункт, предоставлявший России свободу дипломатического маневра. Оно вступало в силу лишь после того, как Россия подпишет мирный договор с Японией, перспективы заключения которого были неопределенными.

После того как с соглашением ознакомился русский министр иностранных дел граф В.Н. Ламздорф, а затем осенью 1905 г. и премьер С.Ю. Витте, они убедили отказаться от договора, ибо это несомненно противоречило интересам Франции, которая ни при каких условиях на союз с Германией не пойдет. Царь остался верен французскому союзнику и 13 ноября 1905 г. послал Вильгельму письмо, где сообщил, что считает необходимым дополнить договор двусторонней декларацией о неприменении статьи 1-й в случае войны Германии с Францией, в отношении которой Россия намеревалась соблюдать принятые договоренности «впредь до образования русско-германо-французского союза». Подобная постановка вопроса была совершенно неприемлема для Германии, и тонко задуманная интрига потерпела неудачу. Больше никаких попыток заключения русско-германского союза предпринято не было, хотя разговоры о его «желательности» или «нежелательности» не стихали и в России, и в Германии вплоть до начала первой мировой войны.

Через 20 лет, уже находясь в изгнании, германский экс-император все еще был уверен, что «мягкосердечие царя» погубило «дело мира в Европе». Он писал: «Заключенное между мной и царем Николаем II в Бьёркё соглашение заложило фундамент для мирного и дружественного сожительства России и Германии. Задача эта была близка сердцам обоих государей. Действие этого соглашения было уничтожено русской дипломатией, высшими военными сановниками, влиятельными членами Думы и политическими деятелями. Мирная война, к которой они так стремились, не оправдала их надежд, опрокинула их планы и стоила как царю, так и мне престола». Кайзер все еще не излечился от прошлого величия и возлагал вину на кого угодно, но только не на себя. Подобное самомнение, уверенность в собственной непогрешимости в тот период, когда этот человек играл руководящую роль в политике крупной мировой державы, пользовался огромными властными правами, не намного меньшими, чем русский царь, не могли стать фактором стабилизации мира в Европе. «Германия — превыше всего» — было не просто

лозунгом, девизом националистов. Сам кайзер придерживался подобного мировоззрения, пропагандировал его, отстаивал и защищал. Ослепление национализмом дорого стоило Германии и многим другим странам и народам.

Складывание системы коалиций в начале XX в. не привело и не могло привести к стабильности и долговременному сохранению статус-кво. Имперские амбиции, претензии и интересы ведущих мировых держав вольно или невольно расшатывали хрупкое европейское равновесие. И хотя с окончанием франко-прусской войны и до самого начала XX в. на Европейском континенте не было военных конфликтов, но напряженность постоянно существовала. И главным центром подобной опасной напряженности все время были Балканы. Именно здесь в начале XX в. трижды возникали ситуации, грозившие перерасти в масштабное столкновение мировых лидеров. Четвертый такой кризис в 1914 г. закончился мировой войной.

В 1908 г. возник «Боснийский кризис», когда Австро-Венгрия аннексировала провинции Босния и Герцеговина, населенные сербами. Эти районы формально зависели от Турции, которая в этот момент находилась в состоянии хаоса, вызванного революцией. Именно опасения, что эти территории отойдут к Сербии, стали главной причиной решения венского правительства. Обессиленная, не находившая нигде поддержки Турция начала с Австро-Венгрией переговоры и за денежную компенсацию признала аннексию. Но другие страны балканского полуострова на это согласиться не могли. Особенно сильным было возмущение в Сербии и Черногории, двух государствах, с таким трудом избавившихся от османского порабощения и вновь оказавшихся на передовой линии противостояния мощной экспансии. Эти две страны, населенные православными, издавна пользовались покровительством правительства и моральной поддержкой общественных кругов России. Но Петербург оказать реальной помощи своим «младшим братьям» в тот период не мог. После недавней русско-японской войны и внутренней смуты страна еще была слишком слаба, чтобы показывать силу на мировой арене. Дело закончилось устными демонстрациями протеста и дипломатическими нотами.

Через четыре года, осенью 1912 г., на Балканах разразился новый кризис, грозивший перерасти в общеевропейскую войну. К тому времени Турция все еще сохраняла обширные владения на Европейском континенте. Ей принадлежали Албания, южная часть Болгарии (Фракия), северные районы Греции (Эпир) и Македония. Турецкое иго было нестерпимым, и в пунктах владений постоянно происходили возмущения, локальные восстания, которые жестоко подавлялись турецкими войсками. Сопредельные государства давно претендовали на «турецкое наследство».

В октябре 1912 г. Болгария, Греция, Черногория и Сербия начали военные действия. Союзники выставили против общего врага более чем 600-тысячную армию, и уже через несколько дней стало ясно, что Турции надеяться не на что. Ее войска потерпели серию поражений. К началу ноября 1912 г. турецкая армия была почти разбита и ее остатки укрепились недалеко от Стамбула. Турция просила мира и взывала к европейским державам, которые начали выказывать признаки беспокойства. Россия не была заинтересована в том, чтобы Болгария, правящие круги которой были настроены прогермански, завладела Стамбулом и стала хозяином Черноморских проливов. Петербург в жестких выражениях потребовал от Софии приостановить наступление. Австрия и стоявшая за ней Германия не могли примириться с усилением Сербии, и австрийские войска начали концентрироваться на границе. Развитие ситуации внушало общую тревогу. В декабре 1913 г. воюющие стороны заключили перемирие. В Лондоне открылась конференция послов ведущих европейских держав, на которой были выработаны условия мира, фиксирующие сложившуюся политическую ситуацию на Балканах.

Однако в июне 1913 г. в том же регионе разгорелся новый конфликт. Победители в первой балканской войне недолго оставались союзниками — они не могли договориться о приемлемом для всех разделе «турецкого наследства». На этот раз создалась коалиция

против Болгарии, объединившая Сербию, Грецию, Черногорию и их «исторического врага» — Турцию. В числе союзников на этот раз была и Румыния. Каждый из участников коалиции требовал от Болгарии, захватившей обширные районы, территориальных уступок в свою пользу. Болгарский царь Фердинанд I (Кобургский) и его правительство, опираясь на дипломатическую поддержку Берлина и Вены, слышать ничего не хотели об уступках. Болгарские войска первыми напали на сербские и греческие позиции 30 июня 1913 г. Вскоре в военный конфликт втянулись и другие балканские государства. Болгария сопротивлялась недолго и 29 июля капитулировала. Вскоре был заключен в Бухаресте мирный договор, по которому Болгария теряла значительные территории на Юге, Западе и Севере. Достигнутое равновесие сил на Балканах было временной передышкой. «Балканский узел» не был развязан, и европейские политики это понимали.

России удалось избежать прямой вовлеченности в балканские дела благодаря ответственности дипломатии и позиции царя, считавшего, что лучше пойти на уступки, чем рисковать сохранением европейского мира. Хотя начиная с Боснийского кризиса, русское общественное мнение, как либеральная, так и консервативная печать все время ратовали за «реальную помощь братьям-славянам». Председатель Четвертой Государственной думы М.В. Родзянко и лидеры крупнейших думских фракций призывали Николая II вмешаться в войну. Но их призывы не возымели действия.

Несмотря на то что балканские войны не переросли в общеевропейский конфликт, напряжение на международной арене не проходило. Германия и Франция уже несколько лет реализовывали обширные программы перевооружения, Россия тоже втянулась в эту мировую гонку. Усиливались националистические тенденции. Весной 1913 г. германский канцлер Бетман-Гольвег, обосновывая в рейхстаге необходимость новых кредитов на армию, заявил, что Германии угрожает «славянская волна». Но он лишь повторял своего кайзера, после Первой балканской войны заявившего, что ему представляется неизбежной «борьба славян и германцев».

В отличие от «дорогого Вилли», русский царь придерживался иного мнения и не считал военный конфликт большого масштаба неизбежным. В мае 1913 г. Николай II прибыл в Берлин на свадьбу дочери кайзера принцессы Виктории-Луизы, вышедшей замуж за герцога Брауншвейгского. Это был последний визит русского монарха в Германию. Царь имел намерение договориться с Вильгельмом II об улучшении русско-германских отношений. Он провел переговоры с кайзером и заявил ему, что Россия готова отказаться от претензий на Черноморские проливы и согласна оставить Турцию в роли «привратника», если Германия, со своей стороны, удержит Австрию от политики захватов на Балканах. Реакции на эти предложения в Берлине не последовало, а Вильгельм ограничился лишь разговорами на общие темы.

К началу 1914 г. отчетливо обозначились контуры двух военно-политических коалиций. Среди европейских государств наметилась группировка вокруг основных союзных осей: Берлин—Вена и Париж—Лондон—Петербург. В конце января 1914 г. русский посол в Токио барон Р.Р. Розен, выступая в Государственном совете, заявил: «Вам, господа, известно, что уже два десятилетия Европа живет под режимом двух союзов, в которые две непримиримо враждебные державы (имелись в виду Франция и Германия. — А.Б.) сумели втянуть остальные большие державы... Единственный выход — либо в устранении этого коренного антагонизма, интересам России совершенно чуждого, либо в вооруженном столкновении, от которого России, всегда верной принятым на себя обязательствам, отклониться будет невозможно. Никому не дано предрешать будущего, но такие чрезвычайные меры, как миллиардный налог на вооружение, свидетельствуют о том, что наступление кризиса является уже не столь далеким. Но, во всяком случае, в одном можно быть уверенным: этот час наступит тогда, когда мы всего меньше его будем ждать». Все шло так, как должно было идти, и изменить судьбы мира могло лишь чудо. Но его не произошло.

§ 5. Имперская рулетка. Первая мировая война

Войны бывают разные: большие и малые, справедливые и захватнические, освободительные и колониальные, народные и антинародные, холодные и горячие, продолжительные и скоротечные. Бывают еще и абсурдные. Именно такой кровавой и жестокой бойней, унесшей миллионы жизней, в огне которой сгорели великие старые монархии Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов, стала та, что началась 15 июля 1914 г. с объявлением Австро-Венгерской империей войны маленькой Сербии. Россия, истари являвшаяся покровительницей славян, приступила 17 июля к мобилизации. В ответ австрийская союзница Германия объявила 19 июля (1 августа) войну России. С этого момента война стала мировой.

Это была схватка имперских амбиций. Все давно шло к такому лобовому столкновению, о котором много и часто говорили еще с весны, а уже в июне, после убийства в г. Сараево наследника австрийского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда, признаки надвигающейся войны стали вполне различимы. «Выяснение отношений» между крупнейшими европейскими континентальными державами — Австро-Венгрией и Германией, с одной стороны, Россией, Францией и Англией — с другой, как-то само собой становилось неизбежным.

Разговоры о неотвратимости войны велись уже несколько месяцев. Политическая обстановка в Европе была напряженной, однако она мало влияла на внутреннюю жизнь России — общественная ситуация оставалась относительно спокойной, экономическое положение стабильным. Русская армия была в состоянии реорганизации, которая уже давала свои результаты. Начальник германского генерального штаба генерал фон Мольтке писал в феврале 1914 г., что «боевая готовность России со времени русско-японской войны сделала совершенно исключительные успехи и находится на никогда еще не достигавшейся высоте».

Россия втянулась в войну, которой никто не хотел и возможность которой у многих вызывала опасения и страх. Цели войны были отвлеченными, доступными пониманию лишь ограниченного круга лиц, и призывы защитить братьев-славян, отстоять престиж империи, завоевать Черноморские проливы и водрузить крест на соборе Святой Софии в Константинополе (Стамбуле) не могли вызвать глубокого отклика в народе. Подавляющая часть населения даже не представляла, где находится Австро-Венгрия или Германия и почему с ними надо воевать. Русскому крестьянину были неведомы никакие Дарданеллы и он не мог понять, почему надо за них идти на войну и смерть. Но случилось то, чего избежать в тех условиях было невозможно.

В начале июля 1914 г. царь с семьей, как обычно, отдыхал на императорской яхте «Штандарт» в финских шхерах. Погода стояла жаркая, но неровная: страшная духота чередовалась с ураганными ветрами и проливными дождями. Николай II наслаждался красотами пейзажа и тихими семейными радостями. 7 июля с официальным визитом в Россию прибыл президент Французской республики Раймон Пуанкаре. Была устроена пышная встреча, символизирующая тесные союзнические отношения между двумя державами. Четыре дня прошли в черед переговоров, парадов, смотров, торжественных приемов и обедов.

Писатель и журналист Дон-Аминадо (Шполянский) уже в эмиграции, вспоминая те дни, писал: «Все было исполнено невиданной роскоши и великолепия незабываемого. Иллюминации, фейерверки, на много верст раскинувшиеся в зеленом поле летние лагеря. Пехотные полки, мерно отбивающие шаг; кавалерия, артиллерия, конная гвардия, желтые кирасиры, синие кирасиры, казаки, осетины, черкесы в огромных папах; широкогрудые русские матросы, словно вылитые из бронзы. Музыка Гвардейского экипажа, парадный завтрак на яхте «Александрия». Голубые глаза русского императора. Царица в кружевной мантилье, с кружевным зонтиком в царских руках. Великие княжны, чуть-чуть угловатые, в нарядных летних шляпах с большими полями. Маленький цесаревич на руках матроса Деревенько. Великий князь Николай Николаевич, непомерно высокий, худощавый,

статный, движения точные, рассчитанные, властные. А кругом министры, камергеры, свитские генералы в орденах, в лентах, и все залито золотом, золотом, золотом». Никто не мог предположить тогда, что «русская сказка» скоро кончится, что XIX век (реальный, а не календарный) близится к концу, а впереди — другие времена, «иные песни и цвета».

Последний император не хотел войны. После горького урока русско-японской кампании он прекрасно осознавал, что любой вооруженный конфликт непременно принесет страдания, лишения, смерть. В глубине души он был противником насилия, и если приходилось с ним сталкиваться, то он неизбежно испытывал сожаление, а часто и раскаяние. Он понимал, что неудачная война таит угрозу революционного взрыва, повторения кошмара, пережитого им и Россией в 1905—1906 гг. Он знал, что на пути победоносной и быстрой военной кампании много различных препятствий — начатое перевооружение русской армии еще в полном разгаре. Ее техническая оснащенность и огневая мощь существенно уступали германской. Все это Николай Александрович понимал. Однако пойти на предательство, совершить, по его мнению, такой аморальный поступок, как бросить на растерзание дружественную страну, теряя этим престиж и в России, и в мире, он не хотел и не имел права. Встать на защиту славян и России — в этом он видел свой долг, а монарший долг — святая обязанность, это угодное Богу дело. Как же можно уклониться от него! Безысходность диктовала военный выбор, и он был сделан.

Великий князь Константин Константинович со слов Николая II описал события, предшествовавшие войне: «19 июля, в день святого Серафима, столь почитаемого Государем, выходя от всенощной, он узнал от графа Фредерикса (министр императорского двора. — *А.Б.*), с которым для скорости говорил Сазонов (министр иностранных дел. — *А.Б.*), что у последнего был Пурталес (посол Германии. — *А.Б.*) с объявлением войны России Германией. При этом Пурталес вручил Сазонову бумагу, в которой содержались оба ответа германского правительства, как на случай благоприятного, так и неблагоприятного ответа России относительно прекращения мобилизации. Не знаю, что руководило послом — растерянность или рассеянность. Итак, нам была объявлена война. Государь вызвал к себе английского посла Бьюкенена и работал с ним с 11 вечера до 1 часа ночи. Государь совершенно свободно, как сам он выразился мне, пишет по-английски; но должны были встретиться некоторые технические термины, в которых он не был уверен. Бьюкенен тяжкодум и медлителен. С ним сообщая Государь сочинил длиннейшую телеграмму английскому королю. Усталый, во 2-м часу ночи, зашел он к ждавшей его Императрице выпить чаю; потом разделся, принял ванну и пошел в опочивальню. Рука его уже была на ручке двери, когда нагнал его камердинер Тетерятников с телеграммой. Она была от императора Вильгельма; он еще раз (уже сам объявив нам войну) взывал к миролюбию Государя, прося о прекращении военных действий. Ответа ему не последовало».

Во главе армии был поставлен двоюродный дядя царя — великий князь Николай Николаевич (внук Николая I), давно причастный к военному делу: в 1895—1905 гг. состоял генерал-инспектором кавалерии, с 1905 по 1908 г. возглавлял Совет обороны, а затем стал командующим войсками гвардии и Петербургского военного округа. Этот Романов был хорошо известен в войсках, пользовался авторитетом в офицерской среде, что и определило его назначение на пост Главнокомандующего всеми вооруженными силами России.

Германия, объявив войну России, на следующий день оккупировала Люксембург, 21 июля объявила войну Франции. 22 июля германская армия начала крупномасштабные военные действия, вторгшись в Бельгию, нейтралитет которой германский канцлер Бетман-Гольвег назвал «клочком бумаги». В тот же день Великобритания объявила войну Германии, вслед за тем войну рейху объявили английские доминионы: Австралия, Новая Зеландия, Канада, Южно-Африканский союз. Война стала мировой. Уже в 1914 г. на стороне Антанты выступили Япония и Египет, а на стороне Центральных держав — Болгария и Турция. Всего в войне участвовало 33 государства.

Война изменила облик России, уклад жизни людей и семей, в том числе и императорской. Все стало работать на победу. Для Николая II, Александры Федоровны и их детей служить России было обязанностью, ради которой они отказались от многих приятных привычек семейного времяпрепровождения. За победу они молились, к ней были направлены все их помыслы! В первый день войны, 20 июля 1914г., принимая в Зимнем дворце высших чинов империи, Николай II обратился к ним со словами: «Я здесь торжественно заявляю, что не заключу мира до тех пор, пока последний неприятельский воин не уйдет с земли нашей». Этой клятве он оставался верен все месяцы войны и, вопреки циркулировавшим слухам, всегда был резким противником каких-либо сепаратных переговоров с неприятелем. Императрица Александра Федоровна, будучи наполовину немкой, никаких прогерманских настроений не имела, хотя в Германии осталось несколько близких родственников.

В первые месяцы войны порочащих власть слухов слышно не было. Всех объединил общий патриотический порыв. В стране проходили спонтанные манифестации — многотысячные толпы в разных городах России несли русские национальные знамена, портреты Николая II, цесаревича Алексея, великого князя Николая Николаевича, иконы. Звучали колокола, служились молебны, а русский национальный гимн «Боже, Царя храни!» непрерывно исполнялся и на улицах, и во всех собраниях. Почти вся печать заговорила о единстве нации перед лицом германской угрозы.

Хотя главой кабинета с конца января 1914 г. (после отставки В.Н. Коковцова) был старый бюрократ И.Л. Горемыкин, не любимый большинством общественных фракций и партий, видевших в нем неисправимого представителя сановного мира, но даже он после начала войны на какое-то время перестал быть мишенью для критических стрел. Когда 26 июля открылась чрезвычайная сессия двух палат, единение представительных и законодательных органов было полным. Государственная дума без колебаний утвердила кредиты и приняла законопроект, связанные с ведением войны.

Царь всегда уделял особое внимание военным проблемам, а после 19 июля (1 августа) интерес к ним стал всепоглощающим, и положение на основных фронтах — Северо-Западном (против Германии) и Юго-Западном (против Австро-Венгрии), к концу года открылся еще и Кавказский фронт (против Турции) — было все время в поле его зрения. Военная кампания началась блестящим прорывом русских войск в Восточной Пруссии, но наступление через две недели закончилось разгромом.

На Галицийском направлении военные действия против Австро-Венгрии разворачивались значительно успешней. Русская армия заняла крупнейшие города Львов и Галич и осенью 1914 г. стала хозяйкой положения в этом районе. Однако вскоре на помощь австрийцам подошли германские силы, несколько потеснившие русскую армию. В конце 1914г. на фронтах установилось позиционное затишье. Первоначальные предположения о скором окончании войны, о том, что «будем встречать Рождество в Берлине», остались лишь мечтами. Приходилось готовиться к длительному и изнурительному противостоянию. В тылу оживились и стали вновь набирать силу противоположительные настроения, угасшие было в первые месяцы войны. Крушение надежд на скорое победоносное завершение военной кампании способствовало возрождению старых распрей и противоречий. И события весны и лета 1915 г. дали им мощный толчок.

В 1915 г. на театре военных действий разворачивались важные события. Весной начались успешные операции русской армии на Юго-Западном фронте, и к марту австрийская армия потерпела серьезные поражения и вновь уступила всю Галицию. Возникла реальная угроза скорого выхода Австро-Венгрии из войны. Германия, стремясь предотвратить подобное развитие событий и воспользовавшись затишьем на Западном фронте, бросила против России значительные военные силы, оснащенные мощной артиллерией. С конца апреля события на фронтах развивались не в пользу России, хотя в сражениях были задействованы лучшие войска, в том числе цвет армии и опора монархии

— гвардейские части. Весной и летом 1915 г. русская армия участвовала в ряде кровопролитных сражений, однако понесла огромные потери из-за недостаточного обеспечения боеприпасами и современным вооружением, особенно артиллерией.

Император был удручен. Положение ухудшалось, а надежда на скорое окончание войны исчезала. Оставалась лишь надежда на милость Всевышнего, и 21 июня он писал матери: «И Ты и Мы все здесь живем, очевидно, одними чувствами, одними мыслями. Больно отдавать то, что было взято с таким трудом и огромными потерями в прошлом году. Теперь к германцам и австрийцам подошли подкрепления, но и нашим войскам также посланы свежие корпуса, в том числе и гвардейский; итак, надо ожидать скоро большое сражение. Помог бы Господь нашим героям остановить их! Все от Бога и потому надо верить в Его милость».

Натиск «проклятых тевтонов» вынудил русскую армию отойти на Восток, оставив Галицию, Польшу и некоторые Другие районы. Пришлось срочно эвакуировать и Ставку Главнокомандующего из Барановичей. Она была перенесена в августе в г. Могилев. События лета 1915 г. походили на огромную военную катастрофу, и командование было на какое-то время просто деморализовано. Еще в мае, когда только разворачивалось наступление немцев, Николай II приехал в Ставку и застал там картину полного уныния: «Бедный Н. (великий князь Николай Николаевич. — *А.Б.*), рассказывая мне все это, плакал в моем кабинете и даже спросил меня, не думаю ли я заменить его более способным человеком».

Общественные деятели всех политических направлений требовали назвать конкретного виновника, и он был назван — военный министр В.А. Сухомлинов. Занимая эту должность с 1909 г., он неоднократно публично заверял, что русская армия готова ко всем возможным испытаниям. Все сразу поверили, что этот человек повинен в преступной халатности, лихоимстве, а затем зазвучали голоса о его государственной измене. Министр был отрешен от должности 13 июня 1915 г. Однако отставка непопулярного министра никого не удовлетворила.

Особенно активизировались либеральные деятели кадетского толка, которые в первые месяцы войны, скрепя сердце, умерили свои нападки на власть, так как ситуация заставляла консолидировать усилия. Поражения армии в конце весны — начале лета 1915 г. вывели их из состояния оцепенения и предоставили прекрасную возможность «подать себя» в традиционной роли спасателей России.

Но волновались и выражали свое беспокойство не только либеральные деятели, эти чувства сделались всеобщими. Следовало предпринять действия, способные мобилизовать страну для отпора врагу, и довести войну до победного конца. Об этом много думал царь. 10 июня 1915 г. он выехал в Ставку, где провел серию совещаний с генералитетом и министрами и пришел к заключению о необходимости обновления высшей администрации. Были отправлены в отставку несколько влиятельных министров, известных своей правой ориентацией, — министр юстиции И.Г. Щегловитов, министр внутренних дел Н.А. Маклаков и обер-прокурор Святейшего Синода В.К. Саблер. Все эти меры носили паллиативный характер и ничего принципиально изменить не могли. К тому же во главе кабинета остался старый царедворец И.Л. Горемыкин.

Общественные деятели, приветствуя некоторые назначения, находили их недостаточными и выступали за создание ответственного перед Думой правительства. С лета 1915 г. этот лозунг стал главнейшим для ведущих политических деятелей и объединений. В августе несколько думских и околодумских общественных групп объединились в так называемый «Прогрессивный блок», центром которого стала партия кадетов. Их главным требованием стало создание «кабинета общественного доверия».

Лето 1915 г. — время многих окончательных решений Николая II, время бесповоротного избрания им своей судьбы. Груз проблем нарастал, а изменений к лучшему не происходило. Страну все явственней охватывала волна общественного недовольства. Критические оценки и суждения о положении дел в стране делались как бы

общепринятыми: их уже высказывали не только представители думской фронды, но и простые подданные. Эти разговоры и настроения подогревали не только военные неудачи, слухи о «засилье темных сил», но и усугублявшиеся экономические трудности — нехватка сырья и энергии, свертывание ряда отраслей производства, инфляция, рост дороговизны, расстройство транспорта. Император надеялся на поддержку со стороны общественных деятелей, но не получил ее.

Николай II не сомневался, что серьезные реформы, начатые 10 лет назад, надо продолжать и углублять. Но в то же время он понимал, что проводить их во время войны — безумие! Он видел, что война обострила старые проблемы и постоянно рождала новые, кроме того, срок ее окончания постоянно отодвигался, а с лета 1915 г. стал вообще неразличим. Он постоянно думал о том, что же предпринять, чтобы переломить ход событий и добиться победоносного мира. В конце концов он пришел к решению возглавить руководство армией. 23 августа 1915 г. был опубликован приказ по армии и флоту, в котором говорилось: «Сего числа я принял на себя предводительствование всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, находящимися на театре военных действий. С твердой верою в милость Божию и с непоколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять наш священный долг защиты Родины до конца и не посрамим земли русской». Ему оставалось править полтора года, и большую часть этого времени он провел в Могилеве.

Маленький заштатный Могилев стал на несколько месяцев главным центром страны, ее армии и тыла. Со второй половины 1915 г. положение на основных фронтах стабилизировалось, однако в тылу ситуация ухудшалась.

К 1916 г. патриотические восторги были позади, и в обществе царило глухое брожение, прорывавшееся наружу в повседневных разговорах о шпионах и предательстве. Государственная администрация все больше и больше погружалась в состояние оцепенения. Последний царский министр внутренних дел А.Д. Протопопов, говоря о заключительном периоде существования монархии, заметил: «Всюду было будто бы начальство, которое распоряжалось, и этого начальства было много, но общей воли, плана, системы не было и быть не могло при общей розни среди исполнительной власти и при отсутствии законодательной работы и действительного контроля за работой министров».

В начале 1916 г. на посту премьера И.Л. Горемыкина сменил Б.В. Штюрмер, бывший ранее губернатором в Новгороде и Ярославле, а затем занимавший много лет пост директора Департамента общих дел Министерства внутренних дел. На сессии Государственной думы 9 февраля 1916 г. в Таврическом дворце в первый и последний раз перед депутатами с кратким обращением выступил император. Он призвал думцев к совместной работе на благо отечества, и эти слова были встречены громом аплодисментов. Царь был удовлетворен и записал в дневнике: «удачный и оригинальный день». Овации в Думе отгремели, и все осталось по-старому: Николай II — в Ставке, в кругу военно-политических проблем, Александра Федоровна — в Царском Селе со своими страхами, сомнениями и «дорогим Григорием», а общественные деятели в своих гостиных и салонах продолжали распалать собственное воображение разговорами о «темных силах» и грядущих потрясениях, утверждая, что положение может спасти лишь «министерство общественного доверия».

Но был еще один, молчавший до поры, грозный и могучий мир, о котором все знали, от имени которого управляли и выступали, — страна с многомиллионным населением, Россия деревень, фабрик и заводов, в недрах которой черпались силы для ведения войны. Миллионы солдат, главным образом бывших крестьян, были брошены на фронт и разметаны на огромных пространствах от Балтийского моря до Закавказья. К концу 1916 г. общее число мобилизованных достигло почти 13 млн. Оторванные от привычного уклада жизни, загнанные в сырые окопы и холодные землянки, они мучились и погибали за цели, которые были от них весьма далеки. Многие из них почитали Бога и

Царя, знали урядника в своем уезде, земского начальника, может быть, губернатора, но ни о каких «радетелях» и «спасателях» слыхом не слыхивали, да и мало интересовались «забавами господ». Постепенно эти миллионы превращались в огромную асоциальную массу, где зрели страшные «зерна гнева», давшие такие разрушительные всходы.

В последний период существования монархии власть предоставила массу поводов для ярких и эффектных выступлений против себя. Совет министров больше походил на героев крыловской басни о лебедь, раке и щуке, чем на центральный административно-координирующий орган. Чуть ли не каждый министр вел «свою линию», интригуя против других, а некоторые искали популярности в либеральной среде, согласовывали там свою деятельность, хотя клятвенно обязались служить государю. Приближалась развязка. В ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. во дворце Юсуповых на Мойке в Петрограде был убит Григорий Распутин, и эта весть вызвала одобрение во многих кругах. Некоторым показалось, что черные дни миновали, что теперь наконец-то все пойдет наилучшим образом, но это была лишь краткосрочная иллюзия.

§ 6. Кульминация монархической драмы: отречение Николая II

27 февраля 1917 г. Николай II в Могилеве получил верные сведения из Петрограда о происходивших там серьезных беспорядках, начавшихся еще 23 числа. Толпы расквартированных в столице солдат из запасных батальонов вместе с примкнувшими к ним группами гражданских лиц ходили с красными флагами по главным улицам, громили полицейские участки, грабили магазины, вступали в стычки с верными царю войсками. Положение становилось критическим. Власть правительства в столице была парализована. Надо было принимать срочные меры для водворения порядка.

Монарх серьезно расстроился. Говорят, что причиной выступлений стала нехватка хлеба и муки в Петрограде. Хороши же столичные власти! Не могли обеспечить своевременный подвоз продовольствия. Где же правительство, где министр внутренних дел Протопопов, много раз уверявший, что им все делается для поддержания в столице порядка и обеспечения снабжения жителей? От него никаких известий нет, но зато председатель Думы Родзянко прислал возмутительную телеграмму. Как всегда, этот толстяк нагнетает страхи и требует создать правительство из общественных деятелей. Опять одно и то же! Вместо того, чтобы помогать властям, эти говоруны из Государственной думы только и мечтают о министерских портфелях и клеветают на верных людей. Как они не понимают, что прежде всего надо одержать победу, а уж затем заниматься политическими реформами. Ну, ничего, Господь поможет и все обойдется. Надо послать в Питер надежного генерала во главе преданных войск и восстановить там спокойствие. Какое милое письмо прислала дорогая Аликс, как ей, бедной, тяжело одной с больными детьми в Царском. Но, как всегда, дорогое солнышко не теряет присутствия духа и спокойно сообщает о последних событиях.

Весь день чины свиты и служащие Ставки шепотом обсуждали события в столице, принимавшие драматический оборот. Любимец государя, его флаг-капитан адмирал К.Д. Нилов повторял: «Все будем висеть на фонарях, у нас будет такая революция, какой еще нигде не было». Многие считали это неудачным зубоскальством, но никто не возражал. Все понимали, что нужно что-то предпринимать, но что именно — никто толком не знал. Кто с надеждой, а кто с безысходностью ждали решений от императора. Никто из императорской свиты, из числа этих осыпанных милостями и почестями людей, не нашел в себе мужества и решимости бросить вызов надвигающейся катастрофе и стать опорой угасавшей царской власти. С утверждением, что следует навести порядок в Петрограде, не спорили. Здесь было полное согласие. Но как этого добиться — мнения расходились. Некоторые полагали, что надо послать верные части для восстановления спокойствия силой; другие же, а таких с каждым часом становилось все больше, склонялись к мысли о необходимости пойти на уступки Думе и согласиться на создание правительства по ее

усмотрению. Надежда, что кабинет общественных деятелей положит конец смуте, рождала осторожный оптимизм. Они еще не ведали, что зарождающийся смерч русского бунта этим остановить нельзя.

В 8 часов вечера 27 февраля 1917 г. начался последний царский обед в Ставке. Император появился за несколько минут до назначенного времени, на нем рубаха защитного цвета, лицо серое, настроение подавленное. В полном молчании обошел присутствующих и пригласил всех к столу. Рядом с ним находился герой военной кампании в Галиции, известный боевой генерал Н.И. Иванов. Сама трапеза мало кого занимала. Все прислушивались к разговору Николая II с Ивановым. Как всегда, первым встал из-за стола император и, сделав общий поклон, удалился в свой кабинет. Стали расходиться и остальные. Генерал Иванов сообщил нескольким членам Ставки, что государь распорядился отправиться ему с батальоном георгиевских кавалеров и некоторыми другими частями в Царское Село, а затем — в Петроград для восстановления порядка. Вскоре стало известно, что императором послана телеграмма М.В. Родзянко с согласием на создание ответственного министерства и отдано распоряжение о подготовке к отъезду. После полуночи Николай II перебрался в поезд, отбывший в 5 часов утра 28 февраля из Могилева в Петроград.

Маршрут пролегал через Смоленск — Лихославль — Тосно на Царское. В Вязьме были после полудня, и царь послал телеграмму жене: «Мысленно постоянно с тобою. Дивная погода. Надеюсь, что вы себя хорошо чувствуете. Много войск послано с фронта. Сердечнейший привет. Ники». В Лихославль прибыли вечером, и здесь Николай II получил весточку от Аликс о том, что у них все спокойно. В 21 час 27 минут телеграфировал в Царское: «Благодарю за известие. Рад, что у вас благополучно. Завтра утром надеюсь быть дома. Обнимаю тебя и детей, храни Господь. Ники». На всех станциях царили полное спокойствие и порядок. Раскаты петроградской грозы не докатились еще до глубинки России. Царь со всеми был ровен, сдержан и ничем не выдавал своих глубоких внутренних переживаний. Он непрестанно думал о своих близких, о судьбе России и династии.

Около двух часов ночи 1 марта царский поезд прибыл на станцию Малая Вишера. До Петрограда оставалось около двухсот верст, однако возникли неожиданные затруднения. Выяснилось, что все станции по пути следования заняты революционными войсками. Двигаться дальше было невозможно. Только здесь стало окончательно ясно, что противоправительственные выступления приняли широкий размах и что российский монарх уже не может беспрепятственно передвигаться по своей стране. После обсуждения ситуации было решено изменить маршрут. Окружение убедило Николая II в необходимости ехать в Псков, в штаб Северного фронта, где под командованием генерала Н.В. Рузского оставались надежные войска. После нескольких часов стояния в Малой Вишере императорский поезд двинулся в западном направлении. В середине дня прибыли в Старую Руссу. На станции собралась огромная толпа народа, желавшая видеть царя. Когда он появился в окне вагона, все сняли шапки, многие встали на колени и крестились. Восторженное отношение к императору не имело ничего общего с тем, что происходило в Петрограде.

В столице же власти царя уже не существовало. Временный комитет Государственной думы был преобразован во Временное правительство, в состав которого вошли давние недоброжелатели Николая II: П.Н. Милюков, А.И. Гучков и откровеннейший враг трона и династии социалист А.Ф. Керенский. На улицах царило радостное возбуждение. Торжествовал красный цвет флагов и наскоро намалеванных транспарантов, на которых преобладал один лозунг: «Долой самодержавие!». Никто уже не работал и казалось, что чуть ли не все жители трехмиллионного города вышли на улицу в уверенности, что черные дни миновали, что теперь начнется новая, светлая жизнь без горестей и печалей. Восторги принимали порой характер истерии. Толпы солдат, матросов, студентов, рабочих, низших служащих стекались к резиденции

Государственной думы — Таврическому дворцу, у парадных дверей которого проходил нескончаемый митинг. Ораторы сменяли один другого. Особенно воодушевило собравшихся выступление нового министра юстиции А.Ф. Керенского, заклеившего старую власть и провозгласившего наступление эры мира и благоденствия в России. Дамы и курсистки из публики бросали к его ногам первые весенние цветы, и с несколькими из них сделался обморок.

Новой власти стали присягать воинские части, и почти никто уже не сомневался, что со старым режимом покончено раз и навсегда. Удивление и восторг собравшихся вызвало появление кузена Николая II великого князя Кирилла Владимировича, который с красным бантом на груди привел находившийся под его командованием Гвардейский экипаж и встал на сторону победителей. Со всех концов города стали привозить арестованных царевых слуг, и наиболее заметных помещали в министерском павильоне Таврического дворца. К вечеру 1 марта здесь находился цвет сановной иерархии, люди, совсем еще недавно обитавшие на недостижимой высоте: бывшие премьеры И.Л. Горемыкин и Б.В. Штюрмер, председатель Государственного совета И.Г. Щегловитов, обер-прокурор Святейшего Синода В.К. Саблер.

Долой предателей! Долой тиранов! Да здравствует свобода! Казалось, что даже холодный мартовский воздух стал горячее от всеобщего ликования и радостных надежд. Как-то разом опустели церкви, и быстро входило в моду новое слово «товарищ». Но всех, особенно новых правителей, занимал один вопрос: где царь, что он делает? Под напором всеобщей эйфории быстро возобладало убеждение, что «этот деспот», «этот изменник» и «его жена-немка» должны быть отлучены от власти. Им не может быть предоставлено никакой роли в новой, свободной России. Слухи опережали официальную информацию властен, и события сменялись так быстро, что сообщения экстренных выпусков газет устаревали еще в типографиях.

Совершенно неожиданно для думцев возник Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, сразу ставший центром крайних требований и лозунгов. Председатель Думы М.В. Родзянко, самоуверенный и поднаторевший в думских прениях деятель, отправился туда и перед расхристанными солдатами и какими-то «штафирками» произнес страстную патриотическую речь, призывая к единению, к согласию всех элементов общества для защиты русской земли. Ему хлопали, но затем все испортил какой-то «собачий депутат», выступивший следом: «Товарищи! Господин Родзянко говорит о том, чтобы мы русскую землю спасали. Так это понятно. У господина Родзянко есть что спасать. Немалый кусочек у него этой земли в Екатеринославской губернии, да какой земли! Так что Родзянко и другим помещикам из Государственной думы есть что спасать. А будете ли вы спасать ее, если земля из помещичьей станет нашей?» «Какой мерзавец! — негодовал Михаил Владимирович. — И особо возмутительно, что этому негодяю устроили овацию!»

Надо немедленно укреплять власть и для всеобщего успокоения добиться отречения императора в пользу своего сына. Должна существовать преемственность власти и, если на престоле окажется чистый и, конечно же, незапятнанный никакими политическими делами мальчик, то русские сердца смягчатся и можно будет следовать ответственному правительственному курсу. Родзянко обсудил план с некоторыми известными депутатами Думы, разделявшими эти взгляды. Уже вечером 1 марта возникла идея ехать на встречу с царем и уговорить его согласиться на отречение. Замысел решили не разглашать, обставить все скрытно, чтобы какие-нибудь непредвиденные обстоятельства не нарушили его. Постановили, что поедет сам Родзянко, депутат В.В. Шульгин и член Государственного совета А.И. Гучков — человек, широко известный в России своей резкой критикой старой власти. Позже все-таки возобладало мнение, что Родзянко лучше остаться в Питере и держать под контролем события. Депутация не была уверена в благоприятном исходе своей миссии, но решили не возвращаться без достижения согласия.

Уже в полной темноте, около восьми часов вечера, 1 марта царский поезд подошел к станции Псков. Народа на платформе было немного, оживления не отмечалось. Встречали губернатора, представители местной администрации, несколько офицеров и прибывшие ранее чины свиты. Царь принял в вагоне губернатора. В это время на платформе появилась согбенная фигура генерала Н.В. Рузского в сопровождении начальника штаба и адъютанта. В ожидании приема он разговорился с несколькими свитскими, обратившимися к нему с призывом помочь государю в этот трудный час. Ответ старого генерала поверг всех в ужас. Он не только не высказал желания следовать долгу и присяге, но прямо заявил, что «теперь надо сдать на милость победителя». Царь пригласил генерала к обеду, во время которого задал несколько вопросов о положении на Северном фронте и в Петрограде, и сообщил, что ожидает приезда Родзянко, от которого надеется получить подробные сведения о событиях в столице. Рузский попросил об аудиенции, и монарх пригласил его к себе через час.

Их встреча затянулась далеко за полночь. Эти несколько часов беседы императора с командующим Северным фронтом, телефонных и телеграфных переговоров с Родзянко и начальником штаба Верховного главнокомандующего в Могилеве генералом М.В. Алексеевым оказались переломными. На осторожный намек Рузского, что необходимо было еще раньше согласиться на правительство общественных деятелей, Николай II, явно волнуясь, заметил: «Для себя и своих интересов я ничего не желаю, ни за что не держусь, но считаю себя не в праве передать все дело управления Россией в руки людей, которые сегодня, будучи у власти, могут нанести величайший вред России, а завтра умоют руки, подав в отставку. Я ответственен перед Богом и Россией и все, что случилось и случится, будут ли министры ответственны перед Думой или нет — безразлично. Я никогда не буду в состоянии, видя, что делают министры не ко благу России, с ними соглашаться, утешаясь мыслью, что это не моих рук дело, не моя ответственность».

Рузский призывал монарха принять формулу: государь царствует, а правительство управляет. Но Николай Александрович возразил, что ему эта формула непонятна, что надо было получить другое воспитание и переродиться, что он «не держится за власть, но только не может принять решение против своей совести и, сложив с себя ответственность за течение дел перед людьми, не может сложить с себя ответственность перед Богом. Те люди, которые войдут в первый общественный кабинет, люди, совершенно неопытные в деле управления и, получив бремя власти, не справятся со своей задачей».

В конце концов Рузский уговорил царя во имя блага России и своего сына пойти на компромисс с совестью. В 0 часов 20 минут 2 марта генералу Иванову, эшелоны с войсками которого находились уже в Царском Селе, была послана телеграмма: «Надеюсь, прибыли благополучно. Прошу до моего приезда и доклада мне никаких мер не предпринимать. Николай». В три часа ночи генерал Рузский связался по телефону с Родзянко. Разговор длился долго, более двух часов. Председатель Думы произнес много слов о важности происходящего, о трагизме положения и недвусмысленно дал понять, что общее настроение склоняется в пользу отречения императора. Разговор Рузского с Родзянко был передан в Ставку генералу М.В. Алексееву, заявившему, что «выбора нет и отречение должно состояться».

Из Ставки были посланы срочные телеграммы командующим фронтами, где говорилось, что для спасения России от анархии необходимо отречение императора в пользу своего сына. Командующие призывались высказать свое мнение. К полудню 2 марта стали приходиться ответы: от командующего Юго-Западным фронтом генерала А.А. Брусилова, от командующего Западным фронтом генерала А.Е. Эверта, от командующего Кавказским фронтом, двоюродного дяди Николая II и бывшего Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. Все призывали царя принести жертву на алтарь отечества и отречься. В послании последнего говорилось: «Я, как верноподданный, считаю, по долгу присяги и по духу присяги, необходимым коленопреклоненно молить Ваше Императорское Величество спасти Россию и Вашего

наследника, зная чувства святой любви Вашей к России и к нему. Осенив себя крестным знаменем, передайте ему Ваше наследие. Другого выхода нет. Как никогда в жизни, с особо горячей молитвою молю Бога подкрепить и направить Вас».

Телеграмма от командующего Румынским фронтом генерала В.В. Сахарова пришла последней, около 15 часов. С гневом и болью старый русский офицер писал: «Горячая любовь моя к Его Величеству не допускает душе моей мириться с возможностью осуществления гнуснейшего предложения, переданного Вам председателем Думы. Я уверен, что не русский народ, никогда не касавшийся царя своего, задумал это злодейство, а разбойная кучка людей, именуемая Государственная дума, предательски воспользовалась удобной минутой для проведения своих преступных целей... Рыдая, вынужден сказать, что, пожалуй, наиболее безболезненным выходом для страны и для сохранения возможности биться с внешним врагом является решение пойти навстречу уже высказанным условиям, дабы немедленно не дало пищи к предъявлению дальнейших, еще гнуснейших, притязаний». Копии телеграмм генерал Алексеев препроводил на имя императора в Псков, добавив от себя: «Умоляю Ваше Величество безотлагательно принять решение, которое Господь Бог внушит Вам. Промедление грозит губительно России».

Пошли последние часы и минуты последнего царствования. Ознакомившись с мнением военачальников, царь пересилил себя, переступил через принципы и принял решение отказаться от короны. Он горячо молился в своем вагоне перед походным алтарем и просил Бога простить ему этот грех — измену клятве, данной при воцарении. Если все кругом этого просят, если все считают, что он должен принести эту жертву, то он ее принесет. Господь поймет и не оставит! Как растеряны и напуганы приближенные, какие у всех мрачные лица, а некоторые стараются не поднимать глаз. Многие из них лишатся своих должностей, но он уже никому не сможет помочь. Никто из них не пришел на помощь к нему, никто не встал на защиту трона и династии. Бог им судья!

Царь вышел на платформу. Был легкий мороз и шел редкий снег. Вернувшемуся генералу Рузскому сообщил о своем согласии отречься. После непродолжительной прогулки вдоль состава вернулся в начале четвертого в вагон и составил две телеграммы — одну на имя Родзянко, а другую на имя Алексеева. Вторая гласила: «Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России я готов отречься от престола в пользу моего сына. Прошу всех служить ему верно и нелицемерно». Служить верно и нелицемерно! Ему они так не служили. Все его бросили и предали. Только его дорогая Аликс и дети останутся с ним. Что теперь будет?

Рузский был приглашен к императору, вручившему оба послания для отправки. Генерал сообщил Николаю II, что из Петрограда выехали для переговоров Гучков и Шульгин. Решено было дожидаться их приезда и никаких телеграмм пока не посылать. Потянулись томительные часы ожидания. Император не терял присутствия духа, и хотя приближенные замечали порой признаки охватывавшего его волнения, природная выдержка и воспитание не позволяли этому человеку проявлять слабость.

Депутаты ожидали в семь часов вечера, а приехали только около десяти. К этому времени в настроении обреченного монарха многое изменилось. Все эти часы он обдумывал грядущее и особенно будущее сына Алексея. Ведь он еще совсем мальчик, к тому же болен. Ему нужен постоянный уход и забота любящих людей и в первую очередь матери, а сможет ли она остаться при нем? Кругом столько лицемерия и вражды, ни за что нельзя поручиться. Уже третий день он не имеет подробных известий из Царского. Что там? Как они? Дети лежат больные, а бедная Аликс, которая сама в последнее время была нездорова?

Ближе к вечеру рокового дня император имел обстоятельный разговор с лейб-хирургом С.П. Федоровым, уже несколько лет лечившим цесаревича Алексея. Отец просил врача высказаться совершенно честно и откровенно о том, что ждет в будущем сына. Профессор не стал лукавить, сказав со всей определенностью, что, хотя Алексей

Николаевич и может прожить долго, но все же, если верить медицинской науке, он неизлечим и предсказать будущее в данном случае невозможно. В ответ услышал: «Мне и императрица говорила так же, что у них в семье та болезнь, которою страдает Алексей, считается неизлечимой. Я не могу при таких обстоятельствах оставить одного больного сына и расстаться с ним... Я останусь около моего сына и вместе с императрицей займусь его воспитанием, устранившись от всякой политической жизни».

Наконец прибыли посланцы революционной столицы. Выглядели они совсем непарадно: трясущиеся руки, хмурые, помятые лица, несвежие костюмы, нечищенная обувь. Они были растеряны и подавлены не меньше членов императорской свиты. Эти представители «новой России» находились в неведении относительно намерений государя и считали, что им предстоит тяжелая миссия — уговорить царя отречься в пользу сына Алексея при регентстве брата императора, великого князя Михаила Александровича. По пути к царскому поезду Шульгин сказал: «В Петрограде творится что-то невообразимое. Мы находимся всецело в их руках и нас, наверное, арестуют, когда мы вернемся». Хороши же народные избранники! Прошло всего несколько дней, а они уже дрожат от страха перед тем народом, которым взяли власть и от имени которого приехали говорить об отречении.

В салон-вагоне царского поезда их встретил министр Императорского двора граф В.Б. Фредерике, спросивший А.И. Гучкова о том, что происходит в столице. Ответ был убийственным для царедворца: «В Петрограде стало спокойнее, граф, но Ваш дом на Почтамтской совершенно разгромлен, а что стало с Вашей семьей — неизвестно». В полном молчании прошло несколько минут, показавшихся часами, и наконец появился Николай. Он был в кавказской казачьей форме и сохранял внешнее спокойствие. Любезно поздоровался с прибывшими и пригласил всех сесть.

Разговор начал А.И. Гучков. Тихим, хрипловатым голосом, смотря все время в одну точку на полу, он рассказал о том, что положение угрожающее, что к движению примкнули войска и рабочие, беспорядки перекинулись на пригороды. Все новоприбывающие воинские части переходят на сторону восставших, и для спасения родины, для предотвращения хаоса и анархии был образован Временный комитет Государственной думы, принявший всю полноту власти. Гучков далее сообщил, что образовался Совет рабочей партии, требующий социальной республики. Это требование поддерживают низы и солдаты, которым обещают дать землю. Толпа вооружена, и опасность угрожает всем. Единственный путь спасения — передача бремени верховной власти в другие руки. «Если Вы, Ваше Величество, — завершил Гучков, — объявите, что передаете свою власть Вашему сыну и передадите регентство Вашему брату Михаилу Александровичу, то положение можно будет спасти».

Император выслушал этот довольно продолжительный монолог не перебивая, не задавая вопросов. Какая горькая ирония судьбы, какое жестокое испытание! Он, получивший корону от отца, он, поставленный на свой высокий пост Божественным Промыслом и ответственный все 22 года правления только перед Всевышним, должен теперь отречься перед лицом каких-то депутатов, один из которых — этот самый Гучков, давний враг трона, как хорошо знал государь, много лет распространявший антидинастические клеветы. Пусть будет так. Значит, это угодно Богу и надо испить эту горькую чашу до дна!

Когда Гучков закончил, Николай II сказал: «Ранее вашего приезда, после разговора по прямому проводу генерал-адъютанта Рузского с председателем Государственной думы, я думал в течение утра, и во имя блага, спокойствия и спасения России я был готов на отречение от престола в пользу своего сына, но теперь, еще раз обдумав свое положение, я пришел к заключению, что ввиду его болезненности, мне следует отречься одновременно и за себя, и за него, так как разлучаться с ним не могу». После этих слов возникла напряженная пауза. Такой исход депутаты не предвидели. Наследником трона мог быть лишь сын монарха. Об этом прямо говорилось в законе. Новая комбинация,

когда трон переходил к брату императора, не отвечала букве закона, но, с другой стороны, когда составляли эти нормы, никто не предусмотрел возможность добровольного отказа самодержца от престола.

Произошел непродолжительный обмен мнениями, и в конце концов Гучков сказал, что они могут принять это предложение. Государь вышел в свой кабинет и быстро вернулся обратно с проектом манифеста об отречении. Текст тут же обсудили, внесли незначительные поправки, переписали, и в 23 часа 40 минут 2 марта Николай Александрович — семнадцатый царь из династии Романовых — его подписал. Теперь уже бывший император попросил лишь поставить на нем другое время — 3 часа 5 минут дня, когда было принято окончательное решение. Далеко за полночь, вернувшись в спальное купе, развенчанный монарх, как всегда уже на протяжении последних 35 лет, занес в свой дневник краткое описание дня и завершил запись словами: «Кругом измена и трусость и обман!»

Еще 22 февраля, когда император покидал Царское и направлялся в Ставку, ничто не предвещало будущих потрясений. Этот последний день был похож на все остальные: с утра чтение деловых бумаг, прием должностных лиц. Завтракали вместе с братом Михаилом. Затем попрощался с детьми, помолился с Аликс в церкви Знамени Божией Матери, расположенной рядом с дворцом, и поехал на станцию. На следующий день, в три часа дня, Николай был уже в Могилеве.

Императрица осталась дома, в любимом обиталище — Александровском дворце. С этим местом так много в их жизни было связано. Здесь родился Ники, и сюда он привел ее, молодую и счастливую, вскоре после женитьбы. Здесь они провели лучшие часы жизни, здесь появился на свет их первенец — дочь Ольга. Этот дворец, построенный по заказу императрицы Екатерины II архитектором Кваренги для ее любимого внука Александра, был особо дорог последней императрице. Расположенный в глубине старого царскосельского парка, окруженный густыми зарослями так любимой Аликс сирени, он был удален от шумных магистралей и оживленных мест. Тут царили тишина и покой, чем очень дорожили венценосцы.

После отъезда Николая, к вечеру 22 числа дочь Ольга и сын Алексей занемогли. У них определили корь. На следующий день заболела Татьяна, затем дошла очередь и до остальных. Температура у детей все время была высокой, их мучал страшный кашель, глаза слезились и болели. В довершение несчастья слегла и ближайшая наперсница царицы Аня Вырубова. Через два дня после отъезда Николая личные апартаменты царской семьи походили на лазарет. Стояла полная тишина, нарушаемая лишь шепотом сиделок. Окна были занавешены (свет раздражал глаза), и в полумраке можно было различить лишь несколько женщин в белых халатах, одна из них в платье сестры милосердия — императрица. Начиная с 23 февраля Александра Федоровна спала лишь урывками, не раздеваясь, на кушетке или у Алексея, или в комнатах девочек. Она давала лекарства, готовила полоскания, измеряла температуру, кормила. Когда кому-то становилось легче, то утешала разговорами, иногда читала книги. Но ее постоянно отвлекали на решение каких-то вопросов, которые без нее, императрицы российской, никто не мог решить. Надо было оставлять своих и идти вниз, на первый этаж, и там встречаться с визитерами, читать письма и деловые бумаги. Кроме того, она ежедневно непременно выкраивала время, чтобы хоть ненадолго заглянуть в церковь Знамени, помолиться и поставить свечи.

Ей сразу же сообщили, что днем 23 февраля в Петрограде на Васильевском острове и на Невском произошли беспорядки, и бедный люд приступом брал булочные, а некоторые, например булочную Филиппова, разнесли вдребезги. Вызванные казаки уладили толпу, и к вечеру все вроде бы успокоилось. Это известие не произвело сильного впечатления на императрицу. У нее хватало других забот. На следующий день она узнала о новых вспышках беспорядков в городе, но Протопопов и начальник Петроградского военного округа генерал С.С. Хабалов прислали успокоительные

рапорты. Однако на следующий день, 25 февраля, все повторилось, но в еще большем масштабе. Посылая вечером ежедневное письмо-отчет мужу, она писала: «Стачки и беспорядки в городе более чем вызывающи. Это — хулиганское движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба, просто для того, чтобы создать возбуждение, и рабочие, которые мешают другим работать. Если бы погода была очень холодная, они все, вероятно, сидели бы дома. Но это все пройдет и успокоится, если только Дума будет хорошо себя вести. У меня было чувство, когда ты уезжал, что дела пойдут плохо... Нужно немедленно водворить порядок, день ото дня становится все хуже... Завтра воскресенье и будет еще хуже. Не могу понять, почему не вводят карточной системы и почему не милитаризуют все фабрики, тогда не будет беспорядков... Не надо стрельбы, нужно только поддерживать порядок и не пускать их переходить мосты, как они это делают. Этот продовольственный вопрос может свести с ума».

В Царском Селе, всего в двадцати верстах от Петрограда, пока было спокойно. Прибывавшие из столицы приносили безрадостные вести. С каждым часом положение становилось все более грозным. Протопопов прислал последнее успокоительное известие в конце дня 26-го и затем — тишина. Все министры куда-то подевались. 28-го противоправительственное движение докатилось и до Царского. В городе произошли митинги, в расквартированных войсках началось брожение. Оно коснулось и подразделений, охранявших царскую резиденцию, а Свободный пехотный полк после митинга решил идти в Петроград и поддерживать новую власть. Александровский дворец с каждым часом все больше и больше начинал походить на остров, окруженный враждебной стихией.

Императрица, преодолевая страхи и опасения, продолжала бесценно выполнять обязанности сестры милосердия в своем маленьком госпитале, который уже 1 марта был отрезан от остального мира. Она ничего толком не знала о муже, получив последнюю телеграмму от него из Лихославля 28 февраля, в которой говорилось, что Ники будет дома на следующий день утром. Но часы шли, а его все не было. Лишь за полночь, 2 марта, пришло известие из Пскова. Почему он в Пскове? Что случилось? Сердце разрывалось от волнений, горя и досады, но надо было сохранять спокойствие, чтобы не расстраивать больных. 1-го вечером во дворце была слышна стрельба, происходившая невдалеке. Господи, спаси и сохрани!

В ранних сумерках 2 марта от церкви Знамения двинулась небольшая церковная процессия, во главе которой с высоко поднятым крестом шел настоятель царскосельского Федоровского собора протоиерей А.И. Беляев. С пением тропаря «Яко необозримую стену и источник чудес стяжавше Тя рабы Твое, Богородице Пречистая» подошли к Александровскому дворцу, где по желанию императрицы должны были отслужить молебен перед чудотворной иконой Царицы Небесной. Около дворца народа почти не было. Прибывших провели на второй этаж, на детскую половину, где в большой полутемной комнате лежали на кроватях пятеро детей. Икону поставили на стол, зажгли свечи. Началась служба. Земная царица опустилась на колени и горячо, со слезами на глазах, просила помощи и заступничества у Царицы Небесной. Затем приложилась к иконе, которую поочередно подносили к каждой кровати, и дети целовали образ. Осенив императрицу крестным знамением, отец Александр сказал: «Крепитесь и мужайтесь, Ваше Величество, страшен сон, да милостив Бог. Во всем положитесь на Его святую волю. Верьте, надейтесь и не переставайте молиться».

Эти слова прозвучали уже после решения об отречении. Когда икону выносили из дворца, он уже был оцеплен войсками, и все его обитатели оказались арестованными. Тысячелетняя история тронов и корон в России завершилась.